

Понятыє и свидетели 2

Понятые и свидетели 2

Хроники военного времени

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
БАБЕЛЬ

Тель-Авив
2022

Понятые и свидетели 2. Хроники военного времени —
Тель-Авив. Издательство книжного магазина «Бабель»,
2022. — 210 с.

ISBN

Книга издана при поддержке Леонида Невзлина

- © авторы текстов, 2022
- © Головинская И., сост., 2022
- © Изд-во книжного магазина «Бабель»,
подготовка к печати, 2022

Содержание

Пока мы спали мы бомбили Харьков

Мария Степанова
Юлия Фридман
Татьяна Вольтская
Александр Дельфинов

Русская культура валит не хуже шрапнели

Алексей Олейников
Роман Лейбов
Андрей Родионов
Сергей Лейбград
Герман Лукомников
Вадим Жук
Ростислав Русаков
Женя Лавут

Песня снити и борщевика

Юлий Гуголев
Юлиана Новикова
М. К.
Демьян Кудрявцев
Александр Скидан

We Never Give Up

Владислава Ильинская
Александр Моцар
Игорь Божко
Борис Херсонский
Федор Сваровский

Дети мщения

Александр Кабанов
Михаил Сон
Вера Павлова
Ирина Евса
Елена Фанайлова

Постылое иго греха и вины

Мария Игнатьева
Женя Беркович
Владимир Гандельсман
Анна Русс
Полина Барскова
Сергей Гандлевский

**Пока мы спали
мы бомбили Харьков**

Мария Степанова

Москва

* * *

Пока мы спали, мы бомбили Харьков
Потом, чуть позже, чайник со свистком
И дачные стволы стволели солнцем
И створы лета отворя
Лобзания и слёзы и заря, заря
И Харьков чёрным дымом исходил
Пока мы ели, мы бомбили Львов
Потом входили
За старшими в наморщенную воду
В дыму шашлычном
Лязгали стрекозы
Потом запели хором мы про то, как берег
Покрылся сотнями пострелянных людей
Так шло, заваливаясь, будто утка,
В июле утро.

* * *

— Мушкетеры, мама! Четверо мушкетеров,
Не задевая выщерблин, выезжают на площадь!
У Портоса рукав блестящий, а плащ потертый,
У д'Артаньяна желтая лошадь,

Бледен, как смерть, Атос — наверное, ранен,
Думаю, что рука его холодна,
Арамис, ясный, как месяц, плывет дворами...
— Маленький, отойди от окна.

— Если я отойду, мама, то не увижу,
Как на лезвие белой птицей садится луч,
Как на мостовой вздрагивает булыжник,
Как взлетает шпага, похожая на иглу!

— Мальчик, здесь не Париж, отходи, пока цел,
Разобьется стекло, когда начнется обстрел,
Спрячемся в ванной, нет, лучше пойдем в подвал,
Ты еще мал и ни разу не умирал.

Мальчик, жалея маму, дает ей руку,
Задевает в низких проемах притолоку головой
(Мама очень спешит), удар его сносит в угол,
Голос сирены тусклый и неживой.

Стекло разбито, но осколки не долетели,
Щебень и стеклянная крошка в постели,
Звуковая аппаратура разбита в хлам,
Мушкетеры смотрят и видят: кругом бедлам.

— Мор, — говорит всадник, белый, как полотно, —
Как там мальчишка? — Подбрось
в амбар хлеба, Глад, —
Улыбается Мор. — Не командуй, чай, не парад, —
Говорит Война, заглядывая в окно.

✻   ✻   ✻

Посмотри, что это здесь такое.
В сердце застряла игла, если вынуть — умрешь,
Хлюпает под ногами месиво городское,
Снег или просто дождь.

Как мы могли быть счастливы,
Встанет перед травой и развернется лист,
Площадь гадливости, перекресток отчаяния,
Все четыре дороги вниз.

Ослепительна будет слива, белая и прозрачная вишня,
Беззащитен внезапно-свежий зеленый цвет,
Только нас не нужно с тобою лишних:
Не бывало, бывало, нет.

Тяжелы рельефы твои вчерашние,
Горы еще растут, как ногти у мертвеца,
Но идет сквозь сердце, и кончик высовывается
От тупой иглы Останкинской телебашни,

Из-за нее-то ты меня и не слышишь.
Если ее вынуть, то ты умрешь,
Рухнет небо — но нет, это всего лишь дождь,
Несокрушима, нежна и прозрачна вишня.

* * *

Ну, конечно, у нас международные отношения так себе,
Зависть и ревность порой искажают лица,
Заслоняют небо наши мессершмитты и ястребы,
Десять живых русских завидуют одному мертвому украинцу.

Но я думаю о тебе и ныряю ниже отчаяния,
Где опять высоко, и кровь расцветает рубином,
Прорастает пером, на воздушных потоках качает
Между тайных дорог, перелетных мостов воробьиных,

Как была жива, говорила: «Никогда не желай другому
Смерти: бумеранг всегда возвращается,
Злое слово зацепит платье, затянет в омут
Горше горя, темней и непроглядней отчаяния,

Даже если злодей, — говорила, — или тиран...»
До чего же я люблю тебя и скучаю,
Ты была во всем права, моя дорогая,
Я твержу злое слово и запускаю мой бумеранг.

* * *

Рабинович каждое утро покупает газету,
Типографская краска опять содержит свинец
(Пуля стоит тысячи слов) — на первой странице нету,
На второй надои коров, опорос свиной,
Вздригнешь, протрешь глаза: в закатных ростках костра
Родина-мать стоит на берегу Днепра.

Каждый день мы отступаем назад во времени
Туда, где в окопах растет буряк с трещиной от лопаты,
Нас ускоряет назад обратное трение,
Календари шелестят густой листвой виновато,
Но одна дата, февраль, четыре часа
Не отстает, а вместе с нами ползет назад.

Помогите нам демонтировать эту машину времени!
Что в ней заело, за что она зацепилась,
Машинист, проводник, Анна Аркадьевна Каренина,
Остановите поезд, сделайте милость,
Эти живые, в крови и сразу мертвые лица —
Отмотайте назад, дайте им снова родиться!

У Рабиновича чешется нос, но нет свободной руки,
Двое полицейских его держат под локотки,
Дома ждут дети, неумолима полиция —
Но и сама косит глаз на передовицу:
Серым по серому, между свинцовых строк,
Может, проявится в рамочке некролог.

* * *

Качество у звука безобразное,
Прыгают колонки на столе:
«Граждане, отечество в опасности,
Наши танки на чужой земле!»

Наши танки, наша артиллерия,
Наш солдат сквозь визоры глядит,
Городские вены и артерии
Наша авиация бомбит.

Не приходит сон, а если все-таки
На изнанке смерти забытьё,
Наши мертвые, из нашей крови сотканы,
Шепчут нам проклятие свое,

И, с полей кровавых не пришедшие
Восемьдесят лет тому назад,
Белыми тактическими шершнями
К нашим танкам с криками летят.

* * *

Когда мы освободили Украину от нацистов,
Финляндию от собакоголовых, Польшу от марсиан,
Земля зацвела кокаиновым цветом душистым
И каждый танкист был магическим воздухом пьян.

В Литве окопались улитки с планетной системы
Холодной и красной звезды ипсилон Андромеды:
Скрывались на листьях салата и прочих растений,
Пришлось разбомбить все в лепешку, ведь выхода нету,

Эстонию тоже снесли с политической карты,
Поскольку в ней подняли головы ихтиозавры,
Адепты кровавого культа богини Астарты,
Приплывшие к нам по орбите от альфа Центавры.

И в Латвии мы не оставили признаков жизни,
А что было делать, ведь Запад нам выкрутил руки:
Он там расплодил вредоносно микроорганизмы,
Согласно сигналам экспертов от криптонауки.

И вот все народы свободны, нам пишут из рая,
И звери, и птицы, и разные меньшие твари,
Москва простирается в мире от края до края,
От смерча до смерча песчаного в Новой Сахаре.

* * *

— А потом позвонили газели...

Накануне апрельской капли
Телефоны шалют, выдают голоса за гудки,
Неизвестно откуда внезапные ловят звонки.

Абонент говорит, он не знает, он жив или умер,
Только стало теплее, и снега уже не натопишь,
Он ослеп и оглох, и качает под полом, как в трюме,
Солнце сбилось с пути, в этот вечер огонь на востоке,

«А убитых мы, — говорит, — хоронили
в центральном парке,
Ведь теперь от снарядов и рытвины есть, и овраги
Там на месте аллей — и просторно,
и мертвым не жарко,
Узнавали своих, составляли реестр на бумаге,

А меня не узнают, и сам я себя не узнаю,
Было имя — прошло, а любимую звали Верушей,
Сорок лет спали рядом, но странное сделалось с нами:
Я зарыл ее в землю, а сам оставался снаружи,

А меня не задело, хотя я стоял в двух шагах,
Дунул ветер с востока, и Вера упала со стула,
Захотела позвать меня, только дрожала щека,
Имя булькало в горле и в легочной мгле потонуло.»

Телефон весь дрожит, словно он простудился, продрог —
Я волнуюсь, позвольте, ведь где-нибудь есть документ,
Под обломками мебели имя найдет абонент —
Снова ветер с востока, и в трубке короткий гудок.

* * *

Дома с азиатскими плоскими крышами
Никуда не идут, только в воздухе тонут,
в тяжелом ночном,
Только кошки гуляют; под чашей, стоящей вверх дном,
Мусульманским флагом луна колышется.

Мы не то чтобы выросли, только друзей проводили,
Лучших, выбранных в мертвые за их заслуги, и вот
Между пальцев у звезд, между лестниц в Иерусалиме
Собираемся на их непрожитый будущий год.

Ты меня не услышишь, и я не тебе, только мимо,
Тропкой трещины в стенках у чаши, стоящей вверх дном,
Где в небесные очи глядится твоя Украина,
Шевелится растерзанной бабочкой в сердце моем,

В этом месте гадают на географических картах
И узором рубашек созвездия смотрят пестро,
И растут подоконники, и раздвигаются парты,
Разверзаются хляби, и феникс роняет перо.

Если будете слишком хорошими, тоже умрете.
Воротитесь живыми. Успеете позже, потом,
Календарные вихри, птенцы Зодиака в полете,
Звон небесных осколков от чаши, летящей вверх дном.

* * *

Давай-ка поиграем в игру от слов до слов,
Как будто ты Набоков, я Саша Соколов.
Фонетика барака, аксантов сладкий штрих,
На пятках Пастернака след клювов *liebe dich*,
Клин струн и стая клавиш, тату культурный код,
Ошибки не исправишь прижизненно, и вот
Перо свое вонзаешь в глаз *Mourka samarade*,
Люблю тебя, товарищ, до гроба и назад.
Неужто все, что было, окончится, как сон —
Культурная могила, трехъядерный шансон,
Мир сбрасывает сложность, ненужная листва,
Конвойный и острожник закатаны в асфальт,
Аэроплан дремотно снижается в закат,
Как будто жирной мордой в расплавленный салат,
Закат горит огнями, бесчинствует закат,
Рвет небо над домами, и города горят.

* * *

Льнуло к коленкам лето в кудрявом Ворзеле.
В полдень кузнечики в тесной ладошке ёрзали,
Тётя бежала к плите: отвернёшься выкипит,
Прыгали в пруд царевны — глаза навыкате,
Тёмная спинка, светлое брюшко в крапинку.
Что там дымилось, вареники или драники —
Я ничего не ела, дружила с белкою,
Резавшей грецкий орех аккуратной пилкою
Мелких зубов и почти не качавшей веточку —
Прямо над белой косичкой и юбкой в клеточку.
Лето текло, молоко поднималось облаком
И убегало, дитя замирало столбиком
Возле поленницы с красным жуком-пожарником,
В книжке цвели стихи — чабрецом и арникой.
Вот и гадаю — были «освободители»
В этом саду, орех возле дома видели,
Цел он — или расстрелян от делать нечего —
Вместе со мной, пятилетней, и кузнечиком.

* * *

Думайте о войне,
Думайте о войне,
Не забывайте о ней
Ни на минуту.

Пока мы обедаем за столом,
Осколок влетает в стенной пролом
К кому-то.

Пока то мы опаздываем на
Работу, пока говорим: «весна» —
От снаряда обваливается стена,
Во дворе воронка,
Стрелкой

компаса на её краю

Лежит, указывая в мою
Сторону — и в твою —
Рука ребёнка.

Думайте про войну

по дороге на почту и магазин,

Думайте про войну

среди родных осин

И среди чужих, просыпаясь и отходя ко сну,
Не оставляйте её одну,
Ни включая компьютер, ни садясь на диван —
Потому что она идёт к вам.

* * *

Как над речкой тополь, над речкой явор,
Как под ними раскинут военный табор,
От пятнистых курток в глазах рябит,
Но никто пока ещё не убит.
Для чего, скажите мне, это войско?
Оплывает снег желтоватым воском.
Снег свернулся подтаявшим творогом.
Кто сегодня назначен моим врагом

В нарастающем рокоте барабанов —
Может, Ира Евса или Кабанов?
Может, там, где ветер гулял-шумел,
На меня накидывают шинель
Лютый враг мой Гоголь и враг Шевченко,
Может, Леся гонит меня зачем-то?
Может, все, кого знаю, кого люблю,
На меня набрасывают петлю?
Расползается зимней дороги ветошь,
Камуфляжные спины мелькают — нет уж,
Милый брат мой Киев и Харьков-свет,
Никогда не поверю я в этот бред.
Заколдовано место — но как ни бейся,
А врагов не видно — и только бесы
Увиваются — но при свете дня
Все растают — как воск от лица огня.

* * *

И приходит вошь.
Ты морщишься, но беды не ждёшь.
Она раздувается долго, покуда вождь
Не проступит из-под белесых ресниц.
Чесаться поздно — приказано падать ниц
И отдавать ей всё, чем ты раньше жил —
Парк, метро, крыши, карандаши
В школьном пенале, сына, дочь,
Под шипение: отдавай и убирайся прочь.
Ты лежишь и думаешь: как же так,
Почему я, разиня, трепло, мудак,

Не прибил ее, покуда была мала?
Всё хотел тепла,
Всё сидел на даче, в офисе, в гараже,
В баре с тихой музыкой, не замечая — она уже
Заслонила полнеба, выпила будущую весну.
Раздуваясь, вошь затевает войну.
Ты же знать её не хотел —
А она сквозь горы кровавых тел
Глядит на тебя. Пока ты плевался — тьфу —
Она покусала всех, сгорает страна в тифу.
И вот теперь
        вошь лишает тебя всего —
Дома, сна, весеннего города, выворачивает естество
Наизнанку, заставляет бежать, куда
Глаза глядят, ослепнув от ярости и стыда,
И в висках грохочет, то мучительней, то слабей:
Вошь не должна жить — найди её и убей!

Разговоры

Он говорит — ты знаешь, у нас тут, по ходу, ад.
Она говорит — да что ты? Он говорит — подряд
Военных и мирных валим. Она говорит — да ну!
Он говорит — по ходу зашли тут в хату одну,
Нашёл пять тысяч зелёных — а хата уже горит.
Она говорит — ни фиги се, теперь закроем кредит.
Он говорит — расстреляли троих, завели в кусты.
Она говорит — не голодный? Хватает хоть вам еды?
Он — да нет, не особо. Она — совсем отощал?
Насилуй там украинок, мне только не сообщай.

Первый — приём, ну, как там? Второй — у меня тишина, Дети шли по мосту. — Второй — какого рожна?!

— Первый — наверно, в школу,

несли в рюкзачках тетрадки.

— Второй — пожалел пока? Отработаешь на обратной.

Он говорит — алё, мы их ебашим, мам.

Она говорит — скорей всё разнесите в хлам.

Он говорит — прикинь, ебашим гражданских, чо.

Она говорит — ну, да, там у вас горячо.

Он говорит — лупили четверо суток по нам,

Прикинь, мы головы не поднимали, мам.

Она говорит — убитых много ли? — До фига,

От командира, мам, осталась одна нога.

Она говорит — когда вернёшься, назвали срок?

Он говорит — делили на пятерых паёк.

Взломали квартиру, мяса нажарили, сели есть.

Она говорит — а сколько не ели? — Да суток шесть.

Он говорит — в деревне все разбито, разнесено.

Она говорит — Россию ненавидят они давно.

Он говорит — машину вчера расстрелял, ну, да.

А Колька — уже 200-ый. Она говорит — беда.

Он говорит — надоело, завтра пойду в отказ.

Она говорит — посадят, зачем ты позоришь нас?

Он говорит — Серёжка ранен, получит денег.

Вчера нас стыдил командир, сегодня стыдил священник:

Как детей воспитаешь, про родину и про честь.

Я спросил командира — он не знает, зачем мы здесь.

* * *

Вот и дожили: страшен победный салют —
Позовут ли на смерть или не позовут
Резервистов, артистов, студентов, зевак,
Футболистов (медалька грошовая — звяк),
Пареньков из села, не хватающих звёзд.
Убегаешь собакой, поджавшею хвост,
Забиваясь под лавку, не глядя наверх,
Тихо молишься — только бы не фейерверк,
Не литые шеренги — кулак к кулаку,
Не летучий убивец, под стать кулику
Надо мной проносящийся в высоте,
В головах его облако, смерть в животе.
Вот и дожили — шурюсь на вечный огонь,
По-собачьи ощерившись: сына не тронь!
Помнишь, плыли знамёна и май полыхал,
Да осталась от мая одна шелуха,
Кровь горячая, полные руки стыда
И в «победе» зашитое слово «беда».

* * *

Она, конечно, будет тосковать
И падать на кровать, и гладить кубик
И пирамидку — так любил играть —
Но семь лимонов — как же их не брать.
Квартиру купит.
И комнату получит младший брат,
И домик — бабушка.
Мясной отдел, плакат

В советском гастрономе, где корова
Расчерчена на множество частей:
Грудинка, голень, толстый край, филей —
А сколько заплатили ей
За каплю крови?
За первый шаг и — бух! Устал? Я понесу,
Подую, за веснушки на носу,
За цыпки на руках, за где опять тетрадки
За круглый подбородок, первый пух,
За где ты был, я не спала до двух,
За это — мам, да ладно, все в порядке.
Она молчит и смотрит в потолок.
Поделен сын, как жертвенный телок —
Колени, плечи, грудь, вчерашний сухпаек
И голова в пятнистой кепке, то ли
В бейсболке. Все на празднике, и вот —
Всем причитается, и каждый ест и пьет.
Она ушла бы...
Только не уйдёт —
Поскольку в доле.

* * *

Ничего ещё, милый, не кончено,
Нам недолго сидеть в тишине.
Чутко спит полонянка-Херсонщина
И подсолнухи видит во сне.
Ночь уставилась чёрными дулами,
Мелкий дождь пробегает, какмышь.
Мы с тобой не гадали, не думали
Про войну. Почему ты не спишь?

Город сыплет горячими искрами
Габаритов, негаснувших ламп.
Нас с тобой без единого выстрела
Разогнали по разным углам.
Где наш сад с пересвистом и шелестом,
Где с погасшею печкою дом?
Я не знаю, в кого они целятся —
Только знаю, что мы упадём.
Мир кренится, дымится, качается,
И когда ты вернёшься ко мне —
Знают только нарядные аисты,
Выступающие по стерне

Александр Дельфинов

Берлин

Пазл

Зло напоззло и всю картинку размазало,
Небесный диджей врезал по верхам и сразу бас дал,
Я и так еле стоял, а тут растёкся как масло,
Кое-как втёк назад и сел собрать пазл.

А то как-то всё раздроблено, вам оттуда видно, где вы сели?
Идёт колонна танков с буквой Z, это что за буква Z?
Бункерный дед засветил еблет, но вдруг

распался на пиксели,

То ли его замочили, то ли просто вышел в клозет.

Скачет на коньке-косянке поручик Убийцын,
Гонит вслед ядерную тачанку корнет Застрелицын,
Вспышка слева, вспышка справа, словно кто
мне в глаз дал.

Надо собрать пазл.

А то как-то всё покоцано, от крупных взяток

до мелких блядок,

Ракетой сбит некролёт Военно-космических сил РФ,
Кай опять разбил зеркало, и весь мировой порядок
Разлетелся карточным домиком, туз пик, дама треф,
Вспышка справа, вспышка слева, едет Снежная королева,
Так подморозило зону — не хватает грева,
Сеньор Зорро оказался не Робин Гуд, а шлимазл.
Надо собрать пазл.

— А ты из пушки, из миномёта бацал?
— Да я только зубами клацал.
— А ты в подвал, где пытали, лазал?
— Ни в какой подвал я не лазал, и вообще у нас все процедуры проходят в строгом соответствии с законодательством. А вы, дедушка, сами откуда будете, ваши документики можно посмотреть?

Зло напоззло и всё заполнило ядовитым газом,
Надевай-ка противогаз, поиграем в «слоника», я сказал!
Все мудрецы накрылись бронированным тазом,
А я — глупец, я сел собрать пазл.

А то как-то всё разбросано, тут рука, там головы половина,
Да заплелась со свастикой красная звезда,
Пушкин с пушкой кричит: «Ну, где тут у вас Украина?»
Достоевский пляшет в футболке с принтом

«Русская весна».

Вспышка сверху, вспышка снизу, пиздец, братишка.
Давай-ка сбросим бомбу на те дома, а то нам крышка.
ПВО работает. «Огонь!» Выстрел. Бац! Ну вот, промазал.
Надо сложить пазл.

Но пазл что-то не складывается никак!
Всё только разлетается на осколки,
Завыли волки, в вены воткнулись иголки,
Зубы на полке клацнули: «Фак!»
Мой пазл — это факт! — не складывается, ах!
Балерина подпрыгнула, посыпались блёстки,
Ракетой шарахнуло, полетели куски извёстки,
Или не извёстки, просто всё рассыпалось в прах.
Папа! Мой пазл не складывается! Вставляю в паз,

А все детали вылетают обратно, раз на раз
Не приходится, да тут уж который раз...
Не складывается пазл, не складывается пазл,
Не складывается пазл.

Мама! Зло наполнило и всю картинку размазало,
Не складывается пазл.

Серёжка съездил на войну

Зачем Серёжка бьёт жену?
Да что-то жизнь скушна.
Серёжка съездил на войну,
Теперь с женой война,
Она нудит: сходи туда
Да принеси сюда...
Серёжке скоро двадцать два,
И водка — не вода,
И пьёт не за победу он,
Когда глядит в окошко,
Вся жизнь — унылый, серый сон,
И бьёт жену Серёжка.

А дело было так: земля
Тряслась, как лоб ханыги,
Когда в двадцатых февраля
Он спрыгнул с мотолыги,
Кругом всё снегом замело,
И тыча автоматом,
Он в украинское село
Зашёл, ругнувшись матом,

А вдалеке работал «Град»,
И по кривой дорожке
Шагал солдат, как на парад,
И шла судьба к Серёжке.

Висели низко облака,
Морозило дай боже,
Как вдруг заметил мужика
Серёжка, прямо кожей
Его почуял за углом,
Потом уже увидел.
«Стоять! Ты кто?» — воскликнул он.
«Та я місцевий житель».
Лет сорок, борода, очки,
Как две столовых ложки.
«А жизнь короче чем апчхи», —
Подумалось Серёжке.

«Куда торопишься, мужик?» —
«До дому». — «Сука, гонишь!
А может ты того, пшик-пшик,
За нами тут шпионишь?»
Серёжка ощутил кураж,
Вражина же, а хули?
И в лоб освободитель наш
Всадил ему две пули.
Нашёл семь тысяч гривен он
В кармане — так, немножко, —
Очки оставил, а смартфон
Себе забрал Серёжка.

Чуть позже ранен был в плечо
И, сдерживая крики,
Серёжка был в себе ещё,
Трясаясь на мотолыге.
Вернулся он домой к жене
Живой уже в апреле,
А что там было на войне?
Да хер с ним, в самом деле!
Вся память — в вырванных клочках...
Двуногой страшной кошкой
Расстрелянный мужик в очках
Всё ходит за Серёжкой.

Была бы Украина — сон!..
Но всё глядит в окошко
И пьёт не за победу он,
И бьёт жену Серёжка.

Россия наносит ракетный удар

Рушится крыша, пожар на три этажа,
От грохота взрывов дома в округе дрожат,
Звон в ушах, словно лопнули струны миллионов гитар —
Россия наносит ракетный удар
По жилому дому, по Шевченковскому району,
По нашему миру, такому милому, хоть дурному,
По пальцам, по почкам, чтобы помнил и млад и стар —
Россия наносит ракетный удар.

Кот размяукался где-то среди руин,
Всё ближе и ближе доносится вой сирен,

Скорая помощь не привезёт новой жизни в дар —
Россия наносит ракетный удар
По любви к ближнему, что так ценится на гражданке,
По спящей в кровати девочке и её маме —
русской гражданке,
По банку, по бару, по торговому центру, где догорит товар,
Россия наносит ракетный удар.

Я пытаюсь понять, как такое вообще возможно?
Осторожно! В тёмной подворотне можно
нарваться на нож, но
Дело не только в империи, где правит дряхлеющий гопник,
Дело не только в подданных, которым пахан как любовник,
Дело не только в ресентименте — можно валить всё в кучу,
Но это не объясняет Ирпень и Бучу.
Напиши-ка об этом, Пушкин! Сними-ка кино, Годар!
Россия наносит ракетный удар.

Угрюмый следак задаёт вопрос: «Где ты был эти восемь лет?»
Меня ещё толком не били, но я не даю ответ,
Потому что с убийцей нет смысла вести базар.
Россия наносит ракетный удар
По Грузии, Крыму (типа вежливо), по Донбассу...
Чего ты стонешь?

Думал, они и правда будут сами бомбить Воронеж?
Или, слегка подморозив, на Болотной выпустят пар?
Россия наносит ракетный удар

По Украине, потому что все эти восемь лет
Тьма собирала силы, чтобы напасть на свет,
И хотя не хватает соляры, и личный состав — кошмар,
Россия наносит ракетный удар

По здравому смыслу и нравственному закону,
По жилому дому, по Шевченковскому району,
Рушится крыша, на три этажа пожар —
Россия наносит ракетный удар.

Свидетельство

Оставив дома и квартиры в домах,
Оставив любимое место,
Со страхом в сердцах и смятением в умах
Пустились они в это бегство
В машинах, автобусах и поездах,
Пешком возле самой границы,
И все оказались в различных местах,
Как неперелётные птицы
(Поскольку закрыт для полётов маршрут
Ещё до начала обстрелов,
Хоть небо открыто для выстрелов — тут
Попробуй-ка что-нибудь сделай).
Доносятся крики и стоны —
Бегут от войны миллионы.

Я вижу! Я слышу! И в силу свою
Об этом свидетельствую.

Прожили недели под взрывами бомб,
Спаслись только чудом от пули,
И вышли на волю, как из катакомб —
От смерти своей ускользнули,
Но всё ещё напряжены голоса,
Гудят в них амперы и вольты,

И если посмотришь в такие глаза,
Почуешь глубинную боль ты.
Так плыли на Запад живые огни,
Восточною тьмою гонимы,
А те, кто не встали — остались они
Навеки в земле Украины.
Врагов наползают колонны,
Бегут от войны миллионы.
Я вижу! Я слышу! И в силу свою
Об этом свидетельствую.
Столетием раньше меж двух страшных войн —
В Европе легко искру высечь! —
Увидели схожее мы бы с тобой,
Как с места снялись сотни тысяч
И бродят, несчастные, между границ,
Нигде не найдя постоянства,
Мерещатся тени мне всех этих лиц —
Когда ни кола, ни гражданства.

...

...

...

Неужто война так и тлела углём?
Пойдём ли мы в прошлое вслед за Кремлём?

Не верю! Не верю! И в силу свою
Об этом свидетельствую.

В Берлине звучит украинская речь,
В Варшаве и Праге повсюду,
Как много теперь неожиданных встреч,
Полно незнакомого люду,

Но даже уехав, уйдя, убежав,
Укрывшись от ужаса боя,
В уютных убежищах добрых держав
Себе не находят покоя.
Скитаясь по самым далёким местам,
Уча языки без запинки,
Они украинцы по-прежнему там,
Всё так же они — украинки.
Закончатся дни обороны —
Вернутся домой миллионы.

Я вижу! Я слышу! И в силу свою
Об этом свидетельствую.

Мой друг

Олегу Голосию

Мой друг был родом из Днепра,
Тогда Днепропетровска,
В СССР Москва влекла
Всех, кто хотел бы роста,
А он приехал налегке,
Привёз с собой картины,
Шутил на русском языке,
Когда куда-то шли мы.
Над мостовою снег кружил,
Мой друг кряхтел от смеха,
Но не дожил, но не дожил
До славы и успеха.

Он прибывал на стену холст
В своей простой однушке,
Он в этом мире был как гость,
И в ухо дул подружке,
Она летела рядом с ним,
Сгорая в нежных ласках,
И сон их тоже был цветным,
Мерцая в разных красках.
Жизнь вроде не тянула жил,
Хотите две? Дам три вам!
Но не дожил, но не дожил
До собственной семьи он.

Мой друг порывист был и лих,
Курил траву, пил виски,
Не мог сидеть он, строг и тих,
Просчитывая риски.
Так в полушаге от тюрьмы,
Одной ногой в могиле,
В начале девяностых мы
Из тьмы во тьму ходили.
Но в Украину он спешил,
Лишь выпадет окошко,
И жил как жил, да не дожил
До тридцати немножко.

И смыло тридцать лет с тех пор,
Я их с души не скину,
А в феврале московский вор
Ворвался в Украину,
Пришла кровавая весна,
И лето хлещет плетью,

И ни крыши нет, ни дна,
Одна война со смертью,
И пепел над землёй кружил,
Накрыв завесой злой дни...
Но не дожил, но не дожил
Мой друг до этой бойни.

Российский танк дома крушил,
Асфальт от крови скользкий...
Как я до этого дожил,
Скажи, мой друг днепровский?

Рыба, птица, змея

Когда кончается ночь и надвигается осень,
Почти мгновенно обугливается кожа лица,
Ты выстреливаешь пробкой и под крики: «Просим!»
Разливаешь бензин, что чистей, чем слеза,
А паруса на мачтах бирюзового цвета,
И корабль плывёт, лишь рулевого не тронь,
Значит, близится вечер и кончается лето,
И из-под воды поднимается рыба-огонь.

Вокруг юные старцы, пожилые девчонки,
На гуттаперчевой сцене исполняет не в такт
Свой известнейший хит «Бесконечные гонки»
Оркестр слепых «Альтернативный факт»,
А ты уже влечёшь нас танцевать на арену,
У меня в руках сеть, и твой меч как игла,
Капитан Невероятность бьёт башкой о стену,
И в прорехах меж туч надвигается птица-скала.

Спасательные шлюпки ускользают пустые,
Ты легко даёшь всем фору, меня этим зля,
А вперёдсмотрящий кормит русалок с кормы, и
Они скрежещут зубами и шепчут: «Земля!..»
На песочных часах застыло время Сахары,
Хотя сахарный песок здесь превратился в соль,
И снова сузив зрачки, наблюдаем во снах мы,
Как на маковом поле назревает ягодка-боль.

Безъязыкий матрос зовёт подмогу по радиции,
За бортом встаёт валом сальных шуток поток,
Но наше судно берут на абордаж граммар-наци, и
Они вбивают нам в глотки аритмичный слог,
А ты подводишь итог всей невольной экскурсии,
Где никто не выбирал, но были избраны все,
Пока мы пятились и пятились маршрутом рекурсии,
Иезекииль включил глаза на смотровом колесе.

Чудесные животные из древних писаний
Заполнили палубу, просто не продохнуть,
Я кричу как в подушку: «Что же будет с нами?»
Тормозя всё быстрее, мы продолжаем путь,
И боцман всех зовёт в кружок весёлого порно,
И крысы прибегают, а не бегут с корабля,
Прощаясь, ты проводишь ребром ладони по горлу,
Из-под двери в каюту вползает змея-петля.

Антипасха

Яйца покрасили луковой шелухой,
Свечки зажгли, вился дым, а народ дивился,
И царь-то у нас лихой, и новый храм не плохой,
И пономарь не бухой, и страна с ядерной сохой,
Да что-то Христос в этом году так и не возродился.

(Все приумолкли)

Родился милиционер, точнее, сотрудник полиции,
Родился Родион по прозвищу Вы-и-убили-с,
Родилась Афродита из бедра Зевса
в древнерусской Гориции,
Родились весёлые клоуны и клоуны-убийцы родились,
Родилась мышь из горы, к которой
так и не пришёл Магомет,
Родился от пастуха и козы козлочел или челокоз,
Родился такой вопрос: «Куда ты девал мой мет?» —
но ответа нет,
И спасения нет, потому что не возродился Христос.

Иерей с диаконом снесли плащаницу в алтарь,
Звенели колокола, лился свет, а народ молился,
И всюнощную отстояли, и спели пасхальный тропарь,
Государь, о, сударь, сударь, ударь! Да тут парь, не парь,
А что-то Христос в этом году так и не возродился.

(Все присели на сутки)

Родился род дома, вынесли его из роддома,
а башка-то коровья,
Родился зверок-хуерок, ни жопы, ни рук, ни ног,

Родился новый проект — от Подмоскovie
до Приднестровья,
Родился у бабушки с дедушкой усатый Лукалобок,
Родился на излёте империи старец Гришка Распутин,
Родился у Кости Беляева как под наркозом
суперхит «Говновоз»,
Родился у Сталина с Гитлером президент РФ В. В. Путин,
Но спасения нет, потому что не возродился Христос.

И кулич испекли, и пасху слепили из творога,
Даже чёрт в пекле мылся, мылся, прыг в котёл —
и сварился,
Слышите запах крови да пороха? Он вроде морока,
В светлу субботу наступала армия злого врага,
А Христос, что Христос, он в этом году так и не возродился.

Лишь тёмный маг с красной башни глядел
на кровавый восход,
Да железные колесницы летели на загнивающий запад,
Кого-то пустили в расход, а кто-то подсчитывал свой доход,
Только у трёхмесячной Киры слёзы
больше не будут капать.

(Звук подлетающей ракеты, потом взрыв)

Яйца катали, дедов поминали, разливали водку на пне,
А потом папа с кровати во сне свалился да и убили,
Дрова рубят — щепки летят, мозги текут по стене,
Аббревиатура «ХВ» значит «Христос воскрес»
или «Хуй войне»,
Но Христос в России в этом году так и не возродился.

Но мы, ты и я, ускользнули от этой тьмы,
У нас всё нормально, с какой ни погляди стороны,
Это не «Властелин колец», скорее, «Хроники Нарнии».
Я говорю: «Ох, кажется, застудил себе спину».
Впереди ждут кошмары, один другого кошмарнее,
Завтра утром проснусь, опять на работу двину.

Право на ненависть

Говорят, мир спасёт любовь да ангелы горнии,
Мол, узри лучшее в ближних, как в себе самом,
Но лето любви закончилось в Калифорнии
В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом.
Говорят, расти твой сад, и добро в сердце твоём
Прорастёт цветами невиданной красоты,
Но никто не учил, что делать, если горит твой дом,
И сад растоптан, и всё, что есть — только ты,
Точнее, даже не ты, а какие-то ошмётки тлена есть,
А кроме этого — право на ненависть.

Твоё право ненавидеть стрелявших в твоих детей
И проявлявших при этом творческую прыть,
Твоё право ненавидеть непрошенных гостей,
Именно ненавидеть, а не любить.
Твоё право не подставлять щеки в ответ на удар,
Твоё право от ярости на стену лезть,
Твоё право жечь врага и радоваться, чуя жар,
Твоё право на ненависть.

Говорят, говорят, говорят, а потом
                                прилетает ракета — взрыв! — и дома горят.
Говорят, говорят, говорят, а потом слова
заканчиваются, вместо слов за снарядом летит снаряд.
Говорят, говорят, говорят, можно даже сказать —
  конкретно пиздят.
Говорят, говорят, говорят, а потом в твой город
  приходит отряд

Вражеских солдат, и начинается ад,
О котором почему-то молчат, молчат, молчат,
И только когда люди убиты, растоптан сад,
И нельзя историю повернуть назад,
Все вокруг опять говорят, говорят, говорят,
А всё отравлено, сам воздух — яд,
И больше нет ничего, чему в сломанном мире замена есть,
А есть только одно — право на ненависть.

Твоё право ненавидеть империю и её солдат,
Несущих не свободу, а оккупацию,
Твоё право ненавидеть их вождя и его рыбий взгляд,
И всю Российскую Федерацию,
Твоё право на оборону, право на отпор,
Твоё право в небе и на земле на месть,
Твоё право, не использованное до сих пор —
Твоё право на ненависть.

Говорят, мир спасёт любовь да ангелы горнии,
Мол, узри лучшее в ближних, как в себе самом,
Но лето любви закончилось в Калифорнии
В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом.

**Русская культура
валит не хуже шрапнели**

* * *

Русская культура выдала нам шинели.
Русская культура валит не хуже шрапнели.
Бомба Лев Николаич выжигает поля.
Под танком Достоевский проламывается земля.
Пуля Иосиф Бродский
со смещенным центром
времени и пространства
убивает вчера —
вылетев из послезавтра.
Маленьких людей русские
используют как патроны.
А их слезинка ребенка
метр прожигает бетона.
А вот установка ракетная
— Чайковский Петр Ильич.
Слышите, падает сверху
страшный воинственный клич?
Нет, не полет валькирий,
а молнии балерин
пронзают черное небо.
Летит балеринов клин.
Пачками падают пачки,
Качает камеру взрывом.
Русская культура
Прекрасна и неотвратима

* * *

если ты с твоим народом
там где твой народ к несчастью
отнесись без раздраженья
и с известным пониманьем
ко всему что непременно
воспоследует в дальнейшем
как описано шекспиром
достоевским и другими
признанными мастерами
убедительного слова

или блядь наоборот
на хуй шли такой народ

* * *

да не скифы москиты мы в пятнистом
мы маск-хитине
в москательной лавке мы никого бы не восхитили
после нас любая палитра возмечтает о мастихине
смотрим исподлобья бесстыднее очевидца
бьемся о лобовое бездарнее полководца
растеклись холодцом по карте куда деваться

было ваше а стало ничье да и шито-крыто
на меху у нас макинтош на моху мохито
если что разбито у нас — не корабль а корыто

жи да ши пищим через «и» в последней атаке
на кону чужие жизни в случайной драке
на колу мочало полощется цвета хаки

* * *

слова осколки стекла
как-то вот не скла
соскальзывают с языка
раска

не тываются а лываются
каждое на два
а потом еще раз на два
потом еще раз на два
и еще раз на два
и опять на два
кассетные такие слова
внутри бесхитростной головы
приставки в сторону корни хрясь
аффиксы по площадям картечью

разрыва а потом зарыва
ле во мле и как бы не отзыва
членораречью

кро ме дет
бей че да артилери ста да при
артилери зоот на тратата го пу

пря ту щель
дыр бул щыл
дай нам днесь

ой наша-то земля черна жирна
но мы-то на ней не сволочь не грязь
подробности спр. у зерна

Андрей Родионов

Москва

* * *

Где серебряная дамба
Переделкино мое,
Посмотри, ты видишь, мама,
Тут есть вход в небытие

У его свинцовой ряби
Не могу я не гулять,
Но в его бездонной яме
Очень страшно пропадать

То ли русская культура,
Для которой я микроб
То ли смерть, ее микстура
Кодеиновый сироп

Это он, мой личный опыт,
Непосредственный контакт
Я реально слышал топот
Ножек бледного коня

Только коник этот странный
Страшный коник этот блед
Оказался обезьяной
И прошло уж сорок лет

Первый раз довольно рано
Повстречался мне примат
Я столкнулся с обезьяной
Ровно сорок лет назад

В Переделкино был лагерь
Пионерский, так сказать
В нем держали обезьяну,
Гутаперчивую блядь

У неё за пищеблоком
Была комната и цепь
И она ходила боком
И ее дразнили все

На приличном расстоянии,
Чтобы не могла достать
Пацаны кидали камни
Пионеры, так сказать

Обезьяну эту, Фроську
Защищал, что было сил
А они кричали: брось-ка
В неё что-нибудь, дебил

Раз по гребаной округе
Повели нас всех в поход
Фроську тоже взяли, суки
Переделкинские, вот

На привале воспитатель
Вдруг спустил ее с цепи
А что может покусать их
Не подумал, зацени

Пусть она была как моська
Ей в глаза взглянул, глупец,
Посмотрела моя Фроська,
И я понял, мне пиздец.

И презрев всю нашу смену
Камни, палки и пинки
Вдруг вонзила мне в колено
Свои страшные клыки!

Пусть я тоже ненавидел
Тех кто мучил и дразнил,
Но припомнилась обида,
А попался я, дебил

Этот очень грустный вывод
Навсегда остался здесь
На колене, еле видный
Обезьяны злобной месть

Словно русская культура
Так отметила меня
Я смотрю на вещи хмуро
Обезьяну не вина

* * *

Что самолета в небе гул,
Что липы с серенькой корою,
Я календарь перевернул
И снова, брат, двадцать второе

Все тот же месяц и число
Как наша память, танк без башни,
И как всегда, темно и страшно,
Что не изменишь ничего

Сергей Лейбград

Ришон ле Цион

* * *

на высохшей глине с гробницами вровень
ничтожная личность которая против
война это время беспомощной крови
бессмысленной плоти

мой русский язык соглядатай бездомный
сгодится на то чтоб у края нирваны
в удушливом мраке жилплощади съёмной
расчёсывать раны

я больше не верю в бессмертную душу
я больше не знаю безумных влечений
я смысла не вижу я смысла не слышу
не помню значений

* * *

на дне двора в отъявленной стране
где каждым утром мусорные баки
в глухом тылу я к жизни и войне
привязан поводком своей собаки
всё прочее не повод чтобы жить
кругом россия могут повторить
крысиный смрад как в кукольном театре
влезай убьёт молчи чтоб не убить
целуй глаза любимой на стоп-кадре

* * *

надо хорошо относиться к людям
которые тебя окружают
уже окружили
уже обыскивают
сейчас арестуют и будут пытаться

* * *

где сторукий тропический кактус
выживает тебе не в пример
как-нибудь в этом мареве как-то
растворюсь среди прочих химер
где засохшие губы как глина
окликают страну и страду
ой у лузи ты слышишь калина
в гефсиманском саду
монитор тонкокожий марая
повторяю что должен забыть
потому что живу умирая
и люблю не умея любить

Герман Лукомников

Москва

* * *

Когда грохочут пушки, н-на,
Не слышен голос Пушкина.
Чего он там лепечет?
Кого он, сука, лечит?

* * *

луч света в тёмном царстве
разрезал всех на части

* * *

Это я, Герман Лукомников,
не смог остановить сумасшедших полковников.
Мои поэтические строчки
не спасли ничьего сына, ничьей дочери.
Здесь должно быть какое-то продолжение,
но я не нахожу подходящее выражение

* * *

Как же так
Твоих друзей
Сажают
Мучают

* * *

тут
так
думать
нельзя

вот
будь
я
там
подумал бы и не такое

* * *

Нас не просили.
Нас не спросили.
Нас не простили.
Мы из России...

* * *

Был я гений и талант
Эти вехи пройдены
Стал российский оккупант
И предатель Родины

* * *

Нет, я не льстец, когда царю
«Пошёл ты на х**!» говорю.

* * *

Дык мы ж не знали
В газетах не писали
Как нам сказали
Так мы и считали

Когда узнаем
В газетах прочитаем
Ох зарыдаем
Мы так считаем

* * *

Я инженер человеческих душ.
Лучше б выращивал саженцы груш.

* * *

Езжайте, катитесь
Хоть в рай к хokusаям.
Но явится витязь:
Своих не бросаем!

* * *

славные белогвардейцы
честные комиссары
что они не поделили
друг друга зачем убивали

в детстве
мы этого не понимали

сегодня это мы сами
с вами

* * *

Здесь людям хорошим
Хорошие люди
Хороших людей
Преподносят на блюде.

* * *

победу вам пиррову
к обеду вампирову

* * *

Покидаю этот чат —
В мою дверь уже стучат

* * *

Как вы могли жениться?
Как вы могли расстаться?
Как вы могли уехать?
Как вы могли остаться?

Как вы могли не видеть?
Как вы могли смотреть?
Как вы могли родиться?
Как вы могли умереть?

* * *

Ну-ка по порядку
Вдохновенным ртом
Промолчите в тряпочку
Об этом и о том...

* * *

— Мы, конечно, примечали:
Что-то страшное стряслось.
— Ну а что же вы молчали?
— Как-то к слову не пришлось.

* * *

Я б уехал за границу —
В Баден-Баден или в Ниццу,
Но судьба мне жить в Москве
В страхе, сраме и тоске.

* * *

Мы выпили скрытно с артистом Цурило.
Он двести, я сотку, заели борщом.
Вокруг невозможной красоты Украина.
Мы выпили с Юрой ещё.
Мы с Юрой евреев печальных играем,
Мы с Юрой на съёмках, у нас перерыв,
По-тихому мы за борщом выпиваем,
Стаканчик ладонью закрыв.
А фильм у нас долгий телевизионный
Не «мыло», но близок к созданию «мыл»,
Я унтер с медалью, герой батальонный,
А Юра... Я даже забыл.
Мы выпили малость. Вокруг Украина.
Нам славно, нам жарко. И деньги идут.
Мелькают кузнечиков худеньких спины,
На мове их «коник» зовут.
Мы в городе Щорсе, мы в городе Сновске,
Мы в полном порядке, и всё вообще.
Июльского мирного солнца полосы
На ложке, стоящей в борще.
Часа полтора если из Конотопа,

На поезде быстрая ночь из Москвы.
Дождёшься себе режиссёрского «стопа»,
И падай в объятья травы.
Меня там фашист убивает в финале,
Я гордою смертью героя умру.
Мы, Юра, играли, мы, Юра, не знали,
В какую нас втянут игру.

* * *

Какая-то огромная измена,
Уступка мышинным личикам, кувшинным рылам.
Оптовая сдача — Мефодия и Кирилла
Тесной примерки Мельпомены,
Исполнения Седьмой в заиндевавшем зале,
Встречи на Ленинградском вокзале,
Прощания на Московском вокзале.
Измена! Измена!
Всем пирожковым, столовкам, пельменным
С ноль семьдесятю пятью «Тридцать третьего»,
«Фантазиям Фарятьева».
Маленькому оркестру надежды,
Парения между
Шпилями и облаками!
Табуретке сделанной своими руками!
Поцелуям длиной с «Анну Каренину»,
Качеству, контролю, ускорению.

Выходу на Волгу, где раздаётся
Дыхание теплохода «Валерий Чкалов».
Чёрному ворону, который вьётся,
Поднятым и сдвинутым бокалам.
Мы изменили, изменили,
Смеху, слезам, полночным страницам.
И извинили себя, извинили.
Сжигаем письма и прячем лица.

* * *

Так получилось.

В этот день мне поставили замену —
химию первым уроком —
вместо обществознания.

Обычно у меня первых уроков нет.

Ну, поставили и поставили.

Молимся, крестимся, начинаем.

Новая тема —

строение атома.

Теперь ее почему-то дают не в начале года,
а ближе к концу.

Класс как пружина —
все внимательно слушают —
напряжены и заряжены.

За десять минут до конца как обычно
прошу повторить материал
своими словами.

Итак, Маша, напомни своим одноклассникам.

Какова природа атома?

— Атом электронейтрален.

С одной стороны ему важно сохранить это положение,
но есть у него и другой интерес —
заполнить свой внешний уровень под завязку
отрицательными частицами — электронами.

Это касается каждого
химического элемента,
поэтому и образуются ассоциации
электронейтральных молекул,
в которых есть место каждому их участнику,
где удовлетворяются
такие противоречивые интересы.
Да, это хороший ответ, садись.
Сереза, тебе есть что дополнить?
Какими способами объединяются атомы?
— Каждый атом действует по ситуации,
исходя из своей природы —
из Богом заданных для него алгоритмов.
Кому-то проще скинуть балласт
из нескольких электронов
и сделать предвнешний уровень внешним.
Это произойдёт если вдруг рядом
окажется страждущий —
тот кому нужен чей-то балласт
для завершения своего внешнего уровня.
Между ними возникает ионная связь —
очень прочная, кстати сказать.
Верно, ты усвоил этот момент, садись.
Теперь, пожалуйста, Сима, продолжи.
Какие ещё виды связей бывают?
— Строго говоря, ионная связь —
это ведь частный случай ковалентной связи,
можно сказать, радикальный случай.
Но когда атомы не так уж разнятся
в своей природе брать и отдавать,

они объединяют свои возможности, то есть
неспаренные внешние электроны,
                                в общие пары — скидываются типа —
образуя ковалентную связь.
Если это два одинаковых атома,
                                то она неполярна, и в общем-то всё.
Пусть она очень непрочная, но зато
                                ни к чему не обязывает.
На этом достаточно.
Ксюша, а если атомы разные?
Не настолько, чтобы отдать целое число
                                электронов, как в ионной связи,
                                но всё-таки ощутимо разные?
— Так если атомы разные, то и общие
                                электроны — не такие уж общие.
Более сильный элемент разумеется будет
                                тянуть их к себе — подобно тому
как физически сильный сосед давит
                                на слабого одним даже фактом силы.
Электроны формально общие,
                                но сдвинуты в сторону сильного.
В таких случаях в молекуле образуются полюса,
она становится более реакционной,
а ковалентную связь именуют полярной.
Молекулы эти уже менее прочные,
                                чем допустим с ионной связью.
Хорошо, достаточно, садись и ты.
Ребята, есть ли иные виды химических связей?
Да, Коля, прошу.
— Ещё не сказали о металлической связи —
                                там ведь самое интересное.

Там все электроны — общие.
Атом, отдавая свои электроны соседнему иону,
сам становится заряженным ионом,
а принявший — превращается в атом.
Отдавшему же — от соседей с другой стороны
приходят новые электроны
и он вновь становится атомом.
Этот процесс постоянен.
Каждая частица попеременно становится
то атомом, то ионом,
принимая и жертвуя электроны,
толпы которых в межузельном пространстве
так и называют —
обобществленными.
Шум нарастает:
— ... поэтому металлы такие прочные,
ковкие и пластичные...
— ... да, как их ни гнуть, они держатся...
— ... электро- и теплопроводность
в металлах поэтому тоже...
— ... и металлический блеск...
Звонок прерывает взволнованные ответы,
сердца готовы, мы молимся:
о святая дева Мария
преподобные наши Сергей и Серафим
блаженная Ксения
Николай Божий угодник
услышьте молитвы наши и упросите за нас грешных
мы ничего не сделали
мы сделали недостаточно

мы взвинчены и напряжены
мы не знаем что будет и ждём
конца этого урока
нам ничего не понятно
страх и гнев обирают нас
бедность сердец разобщает
что теперь будет и как
нам с этим жить
если мы так легко управляемы
рукотворными алгоритмами
Господи
прежде пребудь с гонимыми
но разбуди же и в нас древние
алгоритмы любви и молитвы
так чтобы разрушить неправду чудом
или мы больше не знаем как
связи нас меж собой
страдающих и дающих
ищущих компромиссы
в обобществление
в единую волю покаяния
вот наши электроны Господи
направь их на нужные связи
или что ещё можем
аминь
На перемене перед уроком
слышится рулонный шорох домашних
плакатных лозунгов:
— да успокойтесь завтра ваша война закончится
— у меня родственники под обстрелом

Милана сидит в самом углу.
Милана глядит вникуда.
Не чувствует
ничего
слушает.

25 февраля 2020

*(стихи, которые
мы заслужили)*

Подплывало завтра
Как белый катер
Расцветала сирень
У меня в садочке
Прилетали сойки
Клевать калину
Выбивало пробки
Клонились ветки
Заржавел секатор
Купили новый
Закипела машина
Отвезли на сервис
Починили крышу
Крыльцо сломали
Подплывало завтра
Как белый катер
Охладили вино
Дров нарубили
Поменяли скатерть
Достали скребл
Зажгли свет на террасе
Огонь в камине

Подплывало завтра
Как белый катер
Убрали валенки
Достали шорты
Охладили вино
Дали корм собакам
Прочитали: А
Покинул Россию
Прочитали: Б
Покинул Россию
В, а следом Ж
Покинул Россию
Это стул для Пети
Это для Сани
Это стул для Серёжи
И корм для Ганди
Михаил Потапыч
Покинул Россию
Настасья Петровна
Покинула Россию
Мишутка сложил
Томик Мандельштама
Паспорт табак
И трусы с носками
В шоппер от «Культраба»
Записал прощальный
Видос ребятам
Потёр в телефоне
Инсту и телегу
И покинул Россию

Здорóво, Маша
Входи не стесняйся
Открывай холодильник
Бокалы в буфете
Садись к камину
Придвигай качалку
Все у тебя будет
Как ты захочешь
Даже лучше чем в сказке
Медведи в курсе
Но назад никто пока
Не вернётся
Подплывает завтра
Как белый катер
Подлетает завтра
Как беспилотник
Подползает завтра
Как раненый срочник
С новосельем Маша
Теперь ты дома

Песня снити и борщевика

* * *

Ты не знаешь, чей покров белей:
одуванчиков ли, тополей?

Ты послушай, чей протяжней вой
в причитаньях липы с крапивой.

Сам изведай, чей так плат пухов,
мать-и-мачехи иль лопухов.

Гроздья чьи, как шапка набекрень,
кто это, черемуха, сирень?

Храбрецам на грудь хорош ли, плох,
кто он там, репей, чертополох?

Чьи там дочери да чьи же там сыны
под кустом рябины, бузины? —

ни увидеть, ни оплакать, ни обнять,
только слышать можно, чуют, обонять,
как ползет за окоём через века
песня снити и борщевика.

* * *

«Я прятаться готов в корнях травы.
На мне горит орущая кора.
В коре — траншеи, насыпи и рвы,
и в каждом рву — кровавая гора.

Одни сидят ни живы-ни мертвы,
в других навывлет выжжена дыра:
плач матери, сестры, жены, вдовы
под телевизионное “ура”.

Ты чуешь эти полчища братвы,
ты слышишь это бульканье нутра?
Они опять обмётывают швы,
чтоб не текло со смертного одра.

Они рабы бессмысленной молвы
и прихвостни поганого пера...»

«Они ж не ради бабок и жратвы!
Они ведь ради правды и добра!

Причины ведь у нас не таковы,
а следствия — и вовсе ни хера!
Не бойся сатаны и булавы,
не зная, доживёшь ли до утра.

Поэт,ними кастрюлю с головы,
давно тебе глаза открыть пора...»

....

И что ему ответить из Москвы,
когда он отвечает из Днепра?

* * *

Ты ждёшь — автобуса? трамвая? —
уже минут пятнадцать ждёшь.
Или идёшь, всё проклиная,
оглядываясь, но идёшь.

Или стоишь, объят смартфоном,
или вздыхаешь на ходу:
когда же обновят его нам,
в аду каком, в каком году?

Или в автобус сев, кемаришь,
или стоишь, как истукан,
но сам плывёшь сквозь эту марежь,
сквозь этот морок и туман,

неважно, пеший или конный,
неважно навзничь иль ничком,
лишь бы сквозь сумрак законный
хоть как-нибудь, бочком-бочком.

сквозь эти радостные лица,
сквозь эти ясные глаза,
преображённая столица
несет бессмертных образа.

Средь них, своих не узнавая,
среди крестов и мимо плах
идёт старушка неживая,
держа в руках истлевший флаг.

Марш — надежде

Марш — надежде, как рукав — для козыря,
Шуберта туман, но не сиреневый,
стелется, ползет по глади озера,
съёжился клочок её шагреновый.

Мы ж с тобой когда-то рука об руку,
мать забыть готовы и отца ведь,
мы отроковице или отроку
не такой бедлам могли оставить.

Миленькая, мы тебя обидели?
Ну чего прикидываться дохлою?
Ты в какой ховаешься обители?
Что ж была такой дорога долгою?

Ночка — лунною, погода была вешнею,
от напора стали и огня
ты ж сама, как панночка помершая,
облетала наши ебенья.

И поля вокруг не то чтоб орковы,
в зеркале — не то чтобы Иуда,
да и руки мы — не то чтоб до крови,
только эта ржавчина откуда?

Или мы пошли не той дорогою,
и теперь одним мы миром мазаны?
Нас тут увлекли такую йогою,
мы такие знаем мудры-асаны.

Мы такое над собою делали, —
встретившись, ты б даже нас не вспомнила.
Ты сама не этого хотела ли?
Ты б не брезговала, лучше б ты исполнила
то, о чём молчит иголка в кукле,
то, что фигой хороню в кармане я,
то, о чём миллион запросов в Гугле,
то, о чём молитвы и камлания,
маршевое что-нибудь, единое,
всеми узнаваемое, стоящее,
крайнее, как песня лебединая,
озеро, не знаю, — ну как что ещё...

Мама мыла раму

Ну так что тебе, новый букварь?
Мама с тряпкой маячит в окне.
Отчего это каждая тварь
так скукоживается в огне?

Новый дан тебе перечень слов,
ну а ты всё ни бе и ни ме.
Фиолетово-сер твой покров,
и глаза белы, как в аниме.

Знают все, кто попали сюда,
у земли есть своя ФСО,
и теперь для неё навсегда —
это наша земля, это всё,

это всё, что ни в сказке сказать,
не украсят ни грим, ни перо.
Вот она какова, твоя статья,
значит, вот как ты мутишь добро!

Как сумела такою ты статья,
или просто продолжила быть,
чего стоят, сумев показать,
твоя суть, твоя статья, твоя прыть!

Ты хотела победу ковать?
Научись лучше трупы ховать.
Вместе с ними ложись-ка в кровать
горе мыкать да век вековать.

Ну так что тебе, новый букварь?
Ну теперь хоть понятно, какой:
чтоб витала шашлычная гарь
красной нитью, бегущей строкой.

Потому что ты знаешь в душе,
отчего так красна эта нить.
Эти стёкла не вставить уже,
эту раму уже не отмыть.

* * *

Не спрашивай, мясо ли, рыба ли,
какого числа они прибыли,

не важно по морю ли, по суху,
но что-то уж придано воздуху,

подмешано к водам и почвам,
вода и земля — это то, в чём

лежать они будут навеки,
и кровь им чужая на веки,

а в Буче ли, Мариуполе
они уже были, но убыли,

сияя оскалом звериным,
потая кадаверином.

* * *

Я не знаю, — дыба вам тут, плаха ли,
кого не убили, тех оттрахали, —
отчего тут, от стыда ли, страха ли,
приседали, присягали, плакали.

Я не знаю, объяснять вам надо ли:
руки мыли, головы ли прятали.
В рай не верили, но убоялись ада ли?
Кто не падал? Да хоть раз все падали.

Главное, что солдатушки brave,
даже если кое в чём не правые,
даже если по частям и в цинковом,
небо не покажется с овчинку вам.

Ибо перед небом вы же первые,
наготове рубище и вервие.
Только упустили вы, наверное,
что для смерти равное всё смертное.

Вам ведь не пора ещё расстроиться.
Всё ведь тут у вас вот-вот устроится.
Так зачем же стану я оправдываться,
если с вами не могу обрадоваться.

* * *

Филиппу Дзядко

Мне бы хоть на миг представить, мне хоть
пусть во сне пригрезилось бы, что
я вдруг променял, чтобы уехать,
тот драмтеатр — на это шапито.

Пусть глаза привыкнут к новым краскам,
ты ж пока ищи себе жильё
с этими шипящими, с «и кратким»,
с этими, блядь, точками над ё.

Сам решай, с какого переляда,
выбирай— на запад, на восток, —
не почувешь где косого взгляда,
не услышишь вечный шепоток,

мол, это они от нас узнали
про Содом, Гоморру и Бедлам,
это мы им кровью написали,
шифром нашептали по углам.

Всех делов-то: Яндекс или Uber,
Талимжон иль, скажем, Ибрагим.
Кто на ком уехал, кто где умер,
кто остался прежним /стал другим...

Кто, перебеляя место встречи,
вышел под иные небеса,
от накрапыванья русской речи
чтоб уже не отводить глаза.

* * *

Если лечь, то лучше на живот.
Вряд ли предсказать способны вы же ведь,
кто из нас кого переживёт,
если допустить, что кто-то выживет.

Если пасть, то лучше вниз лицом,
не наведывалась чтоб проститься
к тем, кто земляным укрыт листом,
заинтересованная птица.

Лучше им высматривать в земле,
различая в этом перегное,
в биоэлектрическом тепле
мелкое движение родное,

где всё больше шансов с каждым днём
у бактерий, у жучков, у травки,
для живых неведомым огнём
вносятся последние поправки.

Насыщай собою чернозём,
разложи себя, как на прилавке.
Твой объём уже берут внаём
чьи-то жвала, усики и лапки,

так что, растворяясь в их стряпне,
становясь для времени игрушкой,
обнаружь себя в трухлявом пне
изредка мерцающей гнилушкой.

* * *

Если ты ещё не склеен ластами,
если ты способен двигать булками,
утро начинай своё подкастами,
вечер отмеряй в стакане булками.
Если уж совсем тебе мучительно,
что-нибудь переведи PayPal'ом,
представляя, скольким сразу жителям
много легче станет по подвалам.
Коль не в силах дать им паспорт Нансена
или отмолить их, как Матрона,
можешь поучаствовать финансово,
поддержав приобретение дрона.
Проспонсируй костяное крошево,
пролоббируй кровавое месиво,
заработай звание «хорошего»,
чтоб с тобой зарыли вместе здесь его.
Что уж лезть из кожи вон и пыжиться,
что уж по ночам не спать и каяться.
Ничего с тебя уже не спишется,
словно не тебе теперь икается,
будто среди ужаса кромешного
не тебе всё чудится и кажется,
как в земле неравно перемешаны
добровольцы, беженцы и саженцы.

* * *

И главное, черёмуха кругом,
цветёт боярышник, сирень кипит кромешней,
а ты выходишь этому врагом,
не зная сам, ты — внутренний иль внешний.

Каштан свою показывает статью,
быкуя с ветерком разнорабочим.
Вот что б тебе с ним рядышком не стать,
глазея, как законченный бёрдочер,

да-да, на птичек, только посмотри ж
на имена (откуда же я взял их?).
Ты молча жрёшь, как голубь или стриж,
а мог бы петь, как славка или зяблик.

Не можешь петь, так отправляйся спать.
Не можешь спать, так, вставши спозаранок,
открыв окно, отслеживай опять
каких-нибудь скворцов или зарянок.

Какая, глянь, на небе синева!
Тебя ж то бросит в пот, то снова зябко,
как будто ни мертва и ни жива
душа, словно у раковины тряпка.

Эй, тряпка, выжмись или соберись,
пройдись, где заскорузло и где липко!
И, главное, вокруг такая жизнь,
что взгляд любой и каждая улыбка,

обрывок фразы, разговор простой,
наш общий морок в мареве и гуле

звучат так ярко, словно кислотой
среди бела дня в лицо тебе плеснули.

И как мне описать всю эту хрень
без мата, я вообще не представляю.
И, главное, такая, блядь, сирень!
Такой боярышник! Черёмуха такая!

Северодонецк

I

По улице Ленина,
переименованной своевременно
в Садово-Липовую аллею
хожу-брожу,
себе места не нахожу,
обо всем жалею.
Все теперь здесь чужое,
родное — чужим,
моего ничего не осталось.
Сердце мое, аварийный режим —
нам на милость данная малость.
Здесь поставить бы точку,
вернее, печать.
Зачеркнуть бы всю строчку,
да сначала начать —
от угла Партизанской до Октябрьской угла —
я и раньше хотела, да не смогла.
Было время двуликое: или — или
и меня в сердцевине меж тем забыли.
В некоем городе-городке,
задыхающемся от пыли,
где деревья накоротке
с нами не были — были.

Где быстрее вертелась земля
и слетела с катушек,
там сплошные шумят тополя,
так что ты послушай.
Ты послушай про те тополя
и не надо ля-ля.

2.

В нашем дворе было все, что для жизни нужно:
песочница, голубятня, сломанная карусель,
бабушки на скамейках семечки шелкали дружно,
парочка сумасшедших и прочая канитель.
Общие мамы и тети
днем были на работе,
вечером возвращались, общих делили детей.
Весь этот табор цыганский
на Заводской — Партизанской
плыл в направлении неба без особых затей.
Так ли сверчки сверчали,
как обещали вначале?
И в домино стучали,
а иногда — в лото.
Жили себе, поживали,
воздух сухой жевали,
но вот что было странно — не умирал никто.

3.

О. это гиблое место с названием реки!
Как же дорожки к тебе и кривы, и окольные.
Волны твои алкогольны, берега — далеки
и приносимые жертвы весьма добровольны.
Что тебе снится, Аврора, не Северский ли Донец?*

Место, которое я в своем сердце отмечу.
На перекрестке узнал меня вдруг мой отец,
и пригласил в ресторан, чтоб отпраздновать встречу.
Было мне десять, когда он оставил наш дом.
Нынче же мне восемнадцать, и я не забуду,
как мы сидим, как мы с ним на сближенье идем
под виноград, винегрет и горячее блюдо.

Вышла из мрака с перстами, и что же она
видит — прожженная скатерть, разбитая чашка?
Лучше б ты дома сидела одна у окна,
что ты забыла на том перекрестке, бродяжка?
Папа ушел уже дважды, кто знает куда?
Где он, зачем он и с кем — до сих пор непонятно.
Не потемнеют со временем ведь никогда
нашей семейной истории белые пятна.

---

* Северский Донец — река, на которой стоит город Северодонецк, и название ресторана, который пользовался в свое время сомнительной репутацией.

* * *

Мы растворяемся в природе,
когда выходим на природу,
воспринимая в некоем роде
ее как воду.

Дрейфуют старые деревья,
определенно, эвкалипты.

Мы пьем их крепкое здоровье,
ведь наши рюмочки налиты.

Ведь это в силах человеческих
себе позволить блажь такую,
переливается кузнечик

с одной травинки на другую.

День обещает быть погожим,
и с этим предвкушением дивным

мы на потом потом отложим,
поглубже ящичек задвинем.

Пускай на самой дальней полке
химеры, сфинксы, овцы, волки,
тельцы теснятся через край.

В стогу скользнувшей иголкой
жизнь обещает быть недолгой.

Кузнечик, скрипку доставай.

М. К.

Санкт-Петербург

* * *

Когда закончится война... (Когда закончится война?)
Быть может, и тиран умрет... (поди пора, пускай умрет...)
Моя несчастная страна, да, моя бедная страна
Вновь ненадолго отомрет.

И станут хлеб растить в полях (не жать и жечь в чужих полях),
И разум сердце озарит (ну, что-то точно озарит),
И разрешат учителям, и разрешат учителям
Полгода правду говорить.

Что вот — была война, война,
Она была не на хрена,
Она сломала все вокруг,
И другу друг теперь не друг,
И потерялось слово «брат»,
Но мы вернём его назад...

В победной будущей войне
С тираном новым на коне...

А я стара уже, стара. (Ну, подтверди, сестра — стара.)
Зачем мне будущий мильон? (горячий суп, спокойный сон...)
Зачем старухе на парад?
И сколько лучших ждать времён

В моей измученной стране,
Где все подчинено войне,
Где богоизбранный народ,
И скрепа жизни — огород,
Где все замешано на лжи,
Где, вроде даже жизнь прожив,
Как однодневки-мотыльки
Ложатся в землю старики,
Не понимая — на хрена...
И чья вина?

Умри, война

Демьян Кудрявцев

Москва

* * *

этот город покинут его дочерьми
на прощанье парадные машут дверьми
нас и было казалось не больше восьми
а теперь нас тут сотнями нету
не зови нас к ответу но к свету возьми
тех кто мелкими лег по предместьям костью
пусть крылатыми станут кто были людьми
чтобы сверху смотреть на планету

задышу ли я снова неважно уже
мы давно обитаем на том рубеже
где не весят слова при любом тираже
всё никчемное подлое злое
чем мы были несчастны и счастливы тут
пусть другие как смогут на тех же растут
одеялах а вырванный с мясом лоскут
время стянет сапожной иглою

* * *

из всех долин для нас важнейшей
юдоль где был когда-то дом
в котором нас зачали в ней же
мы с вами кончимся потом

от аневризмы и изжоги
кому не выпадет свинца
и только греческие боги
поддержат здание с торца

где мы ничем не искупили
на нас истраченный паёк
ни те кто вышел из купели
ни те кто сразу в саван лег

в зеленых плакали и пели
и тлел мерцая уголек

* * *

ничего не будет кроме
вечных призраков на стреме
душ прозрачных на пароме
и тумана над днепром
не развеять наважденья
что куда меня ни день я
у тоски на иждивенье
стану дымом над костром

ничего не будет кроме
этих бурых пятен крови
на плохом гаванском роме
разведенной болтовни
мёста чтобы пасть вповалку
никого не будет жалко
в слабом свете зажигалки
кто здесь мы и кто они

только отзвук нашей речи
будет долго плыть навстречу
не стихая как стихия
не рассеивая свет

восприимчивых калеча
чтобы выжили глухие
чтобы выбрались сухие
те кого сегодня нет

Александр Скидан

Санкт-Петербург

* * *

поздно листать новости и фейсбук
поздно писать о личной
и коллективной вине

поздно читать ханну арендт и карла шмитта
влюбленных в шварцвальд
поздно становиться ректором
чрезвычайного положения

поздно стоять на троицком мосту и смотреть
на самый прекрасный город в мире поздно
смотреть на лед самой прекрасной реки в мире

поздно выходить на лед самой прекрасной реки
в мире и писать на нем хуй войне
поздно поднимать и разводить мосты

поздно оплакивать мосты поздно строить мосты
поздно говорить поздно любимым
поздно их обнимать

поздно переименовывать троицкий мост
в мост имени троцкого поздно говорить
ни мира ни войны

поздно говорить моя бабушка родилась
в полтаве в 1909 году поздно говорить
ее фамилия была трепке фон трепке

поздно говорить что мы ссым

поздно вспоминать 2001 год валерия подорогу
после вручения премии белого в кафе на литейном
и его слова кого мы выбрали и не просто
выбрали а вот этими вот руками и помогли глебу
павловскому и его медиа

поздно говорить блокада отечественная война
лидия гинзбург

поздно говорить я предупреждал в 2003 году
осторожно религия осторожно

поздно говорить геноцид первая мировая
обратим штыки против империализма
как учили бакунин кропоткин и опарыши
в снах бруно шульца когда он шел по улицам
винницы чтобы выпить с аркадием

поздно говорить расчеловечивание

мобильные крематории

спецоперация

остается говорить
перечитай антигону верни нам наших мертвых

я хочу их оплакать

это раньше полиса раньше его насилия
и закона закона-как-насилия
это сестра это брат ставшие бездонной могилой
и обещаньем любви

вот это еще не поздно может быть остановить
мобильные крематории
похоронить наших детей

1.03.2022

* * *

помнишь читали ангела истории беньямина в 2014

пиздишь

помнишь смотрели ангела истории беньямина

пиздишь

помнишь разбирали ангела истории беньямина
на пиксели

пиздишь

помнишь читали пиренеи ангела истории в 1940

пиздишь

помнишь он не мог сложить крылья

пиздишь

помнишь

пиздишь

помнишь

в любую калитку войдет мессия

пиздишь

помнишь

5.03.2022

* * *

арендт говорила что это пророческий текст
шолем говорил что это пророческий текст
адорно говорил что это пророческий текст
агамбен говорил что это пророческий текст
фанайлова говорила что это пророческий текст
я говорил что это пророческий текст
нет не я
полковник васин говорил что это пророческий текст
савл на пути в дамаск говорил что это
пророческий текст
исаак на пути с горы мориа говорил что это
пророческий текст
иов говорил
ангел истории не говорил он смотрел на нож

25.03.2022

* * *

выходят адорно и беньямин
прилавки подписных изданий ломаются
от антифашистской литературы
а ты стоишь один на один
с уроком литературы

урок говорит отвечай
погасло дневное светило
и были лучезарны вечера
и автора поставили к стенке

а еще урок говорит молчи
целее будешь
и тонкая струйка мочи
течет из лицейской осени

и тебя обнимают одноклассники
сокамерники палачи

25.03.2022

We Never Give Up

* * *

ми вийшли зі сховищ в знеструмлені наші міста
ми сотню небесну плюсуємо к кожним двомстам
ми бачили як відїзжає останній кацап
we never give up
ми бачили північ, розтрощені вами дома
і тих, хто сидить по підвалах, ридає ридма
по ваших макитрах ми пройдемо даний етап
we never give up
ми бачили Київ, роками палаючий схід
як замість вечері нам бомбу приносить сусід
ми бачили все це, ми все пригадаємо, «брат»
we never give up

* * *

зима спускається
во все
слои сюжета
прихрамывая, карусель
оставит гетто
вспоров пространства требуху,
струится небо,
и воздух будто бы в снегу,
и пахнет снегом

чуть-чуть набрать его в ладонь,
не надо больше...
уже мерещится кордон —
ползком из Польши.
петлю затягивает быль,
а жизнь — небыль.
всего глоток, но нет воды —
хотя бы снега...
и жаждой жалкою влеком,
и сажей полон
он отдаётся целиком
на волю волн
морских, ударных, звуковых —
его контузит...
всего глоток,
но нет воды
во всем союзе,
и обезвоженный конвой
уходит в небо,
и дети воют за стеной
и просят снега.

* * *

ну не ной уже, ну что ты
скоро новая весна
будет лунные частоты
лить за шиворот окна

ты не слушай всяких сплетен
разгляди её лицо
тятя, клятые соцсети
тащат только мертвецов

может это просто воздух
надрывается от лжи
может быть ещё не поздно
думать, чувствовать и жить

первый первый — я последний,
эта песня обо мне.
забывается наследник...
небу — небо. мир — войне.

Александр Моцар

Киев

* * *

Тень и сомненья отбросив, идёшь напролом.
Станешь не буквой абстрактной,
но конкретным числом.
Станешь по стойке смирно в серый бетонный строй.
Здесь обретёшь ты цель, а значит душевный покой.
Развоплощение — стёртые плоские лица.
Страшная драматургия нулей позади единицы.
Мир как идея и в статистической мелкой
погрешности этой идеи
Твари дрожащие, которые право имеют.

* * *

Полине Лавровой

Звёзды. За звёздами тоже звёзды —
Свет умудрённого постоянства.
Так просто
Понять бесконечность пространства.
Вот тот, кто прав в яростном споре
С тем, кто в споре о бесконечности непобедим.
Так они строят, ломают и строят
Новый Иерусалим.

Рухнуло и в конечном
Итоге засыпало тех, кто ослепли.
Из камня нельзя построить вечное.
Вечное можно увидеть в руинах и пепле.

Тот, кто увидел, пусть расскажет,
Откуда берутся пятна на Солнце.
И о том, что если рядом с башней
построить другую башню —
Война начнётся.

* * *

И тогда человек замкнулся в разрыве —
Четырёхмерном пространстве в одномерном мире.
Построил дом, встретил подругу.
И начал жизнь с нуля, по кругу.

В каждом замеченном им движении
Он видел только своё отражение.
В зеркале вдребезги упавшем с полки
На миллиарды живых осколков.

В хаосе неразрешимого спора
Люди снарядами землю роют.
Чтобы в слепой, святой аффектации
Там с мертвецами своими обняться.

* * *

Трава растёт, растёт молитва.
Кругом отсутствие и битва.
В её пульсирующих ритмах
Танцует бабочка и смерть —
Земная круговерть.

Они едины как подруги.
Они в необозримом круге,
Где всё течёт в едином духе.
Но вдруг неуловимый сдвиг
И мир дробит себя и их.

Забытые слова простые
Осели пеплом и остыли.
Мы современники пустые
Пустой вселенной.
Где все ничто и неизменно.

Мы текст разбили на цитаты,
Где отражался Пантократор.
Пустые кольца циферблата
Показывают время
В бездушной теореме.

В ней люди просто исчезают.
Их заменяют именами.
И то, что было тогда с нами...
Котёл над очагом.
И Бог из ничего.

***

«Чё дальше?» — он так и пишет мне — «чё».
Я закуриваю и набираю текст в чате.
В котором предлагаю ему перебросить через плечо
И забить то, что перебросил на участие
во всеобщем параде.

Это кажется, что по прямой, а на самом деле круг
За кругом. На общем плане не разберёшь где ты.
— Человек животное стадное, — говорит мне
знакомый пастух,
Держа кнут под мышкой, и подкуривая
от моей сигареты.

— Это время такое — и мне возразить нечего.
Кратким «нет» прекращаю беседу. А на нет и суда нет.
Так что всем приятного дня или вечера.
В конце текста звучат популярные песни военных лет.

Возвращение

она ещё вернётся из дальнего вояжа
вздохнёт/но не заплачет — свою увидев дверь.
война — разбой и кража/кругом тоска и сажа
конечно же заплачет — ты мне поверь.
она ещё отмое стёкла от войны
заварит свежий чай и сядет за работу.
и будет вволю света и живой воды
неповторимых вод и света небосвода.

* * *

сигнал воздушной тревоги
стальная звенит коса
значит уже у порога
ангелы апокалипсиса

пока ещё у порога
у закрытых дверей
посмотри в зрачки Бога
и дворовых зверей

вечность и мимолётность
умноженные в сто раз
ракетное слово — прилётность
в тех же глазах.

* * *

(из цикла «Украинский пейзаж-2022»)

там на краю истории
где редиска ранняя и салат
передвижной военный крематорий
утилизирует убитых солдат

горят они как мусор
у кочегара под носом вызревает сопля
руководит процессом старлей с пузом
а вокруг украинские (блядь!) поля

пепел выбрасывается тут же
ветер кружит его в клоунской пляске
оседает медленно в майских лужах.
звёзды на касках.

Одесское весеннее

встретились мы с Митей у железного ежа
и с души осыпалась вековая ржа
Митя парень светлый чуть тронут сединой
и здесь на Ришельевской — мир уже иной.
ежи и баррикады — предвестники врага
мешки с песком как во поле — белые стога
и Дюк принарядился и Митя здесь в делах
и слышно издалёка чуть слышное — «ба-бах»
и небо с синевой и мы перед войною
проходимся по сцене — по школьной перемене
по этой краткой встрече —
с неправильностью речи

Лекция по географии-2

I.

Острова хороши для отдыха. Полуостров
хорош для захвата.

Спросите любого прапора, или даже солдата,
что из ранца не выбросил маршальского жезла,
лежащего там со времен Империи Зла.

Полуостров похож на сосок. Корова, дай молока.
У тебя — просторное вымя — хватит всем на века.
У тебя — широкие плечи и высокий удой.
С трех сторон окружен полуостров кровью.
а не водой.

2.

Полуостров влечет полоумных. Все,
что начинается с «полу»,
например, полушубок и полумесяц.

В среднюю школу
полуграмотных строем ведут преподавать урок.
Знай свой шесток — урок бывает жесток.

Знай свой полуостров, как собственных пять перстов.
Знай количество танков, орудий и блок-постов.
Полуостров похож на сосок. Или, вернее, на член.
Утирает захватчица губы, поднимаясь с колен.

3.

Все, что выдается в море, просится в пасть к пирату.
Все, что легко захватить, уже готово к захвату.
Говори на своем языке, или молчи на чужом.
Перешеек, что горло — легко перерезать ножом.

Полуостров похож на язык. Он высовывается изо рта.
На нем растут виноградинки — замечательные
сорта.

Там мечеть на мечети, и христианский храм,
построенный генуэзцами в колокол бьет по утрам.

4

Нет- да -нет, а подберешь на пляже монетку
Пантикапеи, Босфора. Тут в железную клетку
век посадят, как зверя — так писал Мандельштам.
Век мой, зверь, ты вынослив и ты приживешься там.

Полуостров похож на кукиш, что выставил материк.
В центре его — болото. В центре болота — кулик.
Он хвалит свое болото, не замечая солдат,
которых ведет лохматый колченогий примат.

Март 2014

Стихи 2022

* * *

Ну и время! Не успеешь начать разговор. как
ты уже кругом виноват и оправдываться не стоит.
Любая жизнь кончается на задворках,
или — в ванной вскрываешь вены, как советует стоик.
Лежишь. бледнеешь, а вода розовеет — это
то, чего требовал император древнего Рима.
А теперь всем все равно. За окном итальянское лето.
Среди безымянных не отыскать анонима.
Никто и не ищет. Леса на холмах Тосканы
шумят с птичьего гомоном шелест листвы мешая.
Память вся в дырах, как прохудившиеся карманы.
И земля прогревается, против неба не согрешая.

* * *

у этой железной машины странный маршрут:
станция Дачная. до Одессы двадцать минут,
но это на электричке, и мгновение — для ракеты.
ей не нужно в кассе ЖД покупать билеты,
она вспоминает взрывы в портах, к примеру — Бейрут.
ракета — сука. в разведку таких не берут.
мы для нее -манекены, а наши дома — макеты.

гляжу в потолок, вспоминаю песню «шестнадцать тонн»
что для нас бетон, то для ракеты — картон,
а стекло — материал для производства осколков.
для нее нет смысла в названиях городов и поселков.

Дачная — просто буквы. где рельсы, там и перрон.
убивать людей — все равно, что пугать ворон.
а как объяснить? не избежать ни смерти.

ни кривотолков.

на арестантской одежде была мишень на спине.
чуть что не так — тебя поставят к стене.
с точки зрения пули главное — точность прицела.
за пределами мысли — древний закон беспредела.
вот и ночь прошла и погашен пожар.

мы встречаем день.

когда весь человек — одна сплошная мишень,
абсолютно весь, по всей поверхности тела.

* * *

Любовь к россияны ныне являет себя в лице
поэтесс, вышедших замуж за священников РПЦ.
Платочек носи до бровей. Юбку носи до пят.
С каждым днем суровой. Вопи, как младенцы вопят.
Им дано беззаконие вместить в церковный закон.
Им дано Слово Божье сокрыть в молчанье икон.
Так всех нас водили за нос. Так велось испокон.
Не думай, мыслитель, что ты с Богом накоротке.
Истина в юбке до пят и в узорном платке.
На этом держится вера. Этим жива пока
поэзия батальона, а повезет так — полка.
Прочувствуй эту красу. По Волге плывет ладья.
Поп стоит на носу. На корме сидит попададя.

* * *

в каждом доме живет домовой не комитет а бес
в каждой бане банник под камелек залез
лесник с лешим вдвоем берегут разросшийся лес
в общем все в разнос кроме того что вразрез
сколько нечистых особенно в отсутствие чистоты
у закрытой церкви покосившиеся кресты

тянется не прервется настоящего времени нить
ангелы в небе летают ищут кого бы хранить
от случайных связей от нежелательных встреч
кого от греха подальше в местной тюрьма стеречь
ходить вдоль по коридору заглядывая в глазки
наблюдая повадки разбойников

что социально близки

в лесу огоньков болотных больше

чем в церкви свечных

ветер волком воет в кирпичных трубах печных

* * *

сидит пень пнем грозит нам судным-паскудным днем
внебрачный сын медведицы и зимнего шатуна
obelisk ему в афедрон со звездой и вечным огнем
и штык часового на нем переполненная луна
и что за прозвища по названиям прохуdivшегося зверья
весь учебник по зоологии за девятнадцатый век
на просторах где тесно фраерам от ворья
а на наркомов не хватит подпольных наркоаптек

где ты набрал военных стариков и старух
всех в медалях и орденах за войну и за труд
в них присутствует древний страх но отсутствует слух
хоть к уху приставь ладонь ни слова не разберут

* * *

То ли гость, то ли изгнанник, то ли беглец —
три в одном, взрывоопасная смесь.
Среди речистых — немой, среди зрячих — слепец,
что шапку вор, чужбина сбивает спесь.

Что сказать о совести? Что она нечиста.
Что сказать о душе? Она пустотою полна.
А как насчет ностальгии? Тянет в родные места,
но где они, эти места, не говорит она.

Возможно, что это детство у матери на руках.
Возможно, это юность в объятиях первой любви,
Но вернее всего — это небо в кучевых облаках.
Или просто — небытие, как его ни назови.

* * *

Июль. Сплав мыслей, воспоминаний и вожделений,
грехов о которых нет особенных сожалений,
«не пожелай» заменяется на «не тяни».
Ты заслоняешь мне солнце, я остаюсь в тени.
Хоть ветерок какой, хоть дуновение какое,
хоть на мгновенье жара бы оставила нас в покое.

Хоть бы туча на горизонте и отдаленный гром!
Тепловой удар вероятен. Не кончится дело добром.
В эти дни затяжные, в этом гуле военном
поневоле мечтаешь о чем-то нетленном,
о чем-то огненном, что испепеляет дотла,
и — как странно! — о мирной жизни,
какой она раньше была.

* * *

И что же — теперь в России все понадзорно.
Из всех популярных жанров разрешено только порно.
Звездочки из эскорта вошли в угрюмый совет.
Вошли, разделись, разлеглись — срамная губа не дура.
Потянулись. зевнули — теперь мы литература,
поступайте как мы, и слава вас не минет.
Дел непочатый край. В постелях у нас запарка.
Тише, Эрато! Ваше слово, товарищ Захарка!
Ложь во падение. Время прославить лжецов.
Что же вы замолчали, словно язык прикусили?
язык в нашем деле — главное. Хотите, чтоб попросили?
На допросе попросят вылизать дело отцов.
Все равно где сдохнуть — под забором.
под росскомнадзором,
неважно, что распевать, важно — фальшивить хором,
Только шарфик вяжите туже — а то просквозит.
Форма речи — парадная, содержание — подворотня,
ничего, что нас наберется едва ли сотня.
Впрочем и сотня — деньги — пора оплатить визит...

* * *

В военное время расщепляются тело и дух.

Два в одном — это реклама не для меня.

Древний Рим погиб, но цел Пантеон, и акведук
притворился мостом, и солнце в зените дня
освещает тысячелетия: все разбито,

но все — как один.

Человек расщепленный недостойн своих седин.

Для души нет надежного крова,

разве что теменная кость.

Военное время дырявит крышу над головой.

Беглец в надежном доме всего лишь докучный гость.

Забвенье — трава, и душа заросла травой.

Вот смерть придет с косой и начнет эту травку косить.

Надоело телу тяжесть души носить.

В военное время душа обретает немалый вес,
как чемоданы, баулы или иная кладь.

Сколько ненужного хлама! Накупили.

Попутал Гермес.

Душа — та еще скряга. История — та еще блядь.

Ангел с военной трубой стоит на облаке в небесах.

Военное время. «Час мужества пробил

на наших часах».

Родина- мать зовет. Помните этот плакат?

Пенсионный возраст. Черный вдовый платок.

Шаг в сторону — это побег. Вернее —

кровавый закат.

Время напоминает, что человек жесток.

Жесток или жалок — выбор всегда за тобой.

Ангел вытоптал небо. Он протрубил отбой.

* * *

Смотрю на карту. Империя надо мной нависает тучей.
Роюсь в воспоминаниях. Они навалены кучей.
Средняя школа. «Зарница» и взрывпакеты.
В старости все серьезно. Не бойся, встречай ракеты.
Подарок от бывшей родины. От родной окаянной речи.
В церкви перед иконами горят и плавятся свечи
Скорбит и свербит душа. Утро не мудро — тоскливо.
Не бывает дня без тревоги. Не бывает ночи без взрыва.
Нечего делать. Реальность одолевает.
Смерть неизбежна. И старость тоже бывает.

* * *

Прежде чем напасть нужно оскалить пасть,
нужно в ересь впасть прежде чем в ярость впасть,
веру одеть в парчу, погасить восковую свечу,
вместо «верую» повторять «я так хочу».
Свободу подлости дай, жаждою крови страдай,
когти себе отрасти, тогда уже нападай.
Но помни, что целый мир
ненавидит тебя, негодяй.
В злобе погибни так, как в слизи своей слизняк,
в зловонном болоте своих похорони вояк.
Не стесняйся, смотри, как пускают они пузыри.
В пропасть ведут слепых слепые поводыри.

* * *

Война, что твой сеятель — жизни людей в горсти,
она засекает Европу пришедшими жизнь спасти.
Кто торгует цветными шариками. кто отмывает полы,
кроме тех, кто слишком стары и тех, кто слишком малы.

Жизнь из милости, если разглядеть в микроскоп,
это жизнь из ненависти тех, кто загнал в окоп
молодых красивых парней, а повыше чином — в блиндаж,
кто под каждым домом построил подземный этаж.

Кто-то ходит с охапкой роз между столиков летних кафе,
где сидят красавицы и юноши подшофе.
Протягивает цветок, но никто не берет цветок.
потому что лучше розы золотого вина глоток.

Жизнь из милости там, где никто не бомбит города,
жизнь из жалости к тем, кто ни с чем явились сюда,
котомки. полные ужаса, пятаки в узелках,
надежды-фантазии витающие в облаках.

Кто слишком малы — ходят в школу и учат чужой язык.
Кто слишком стар — тот обходится речью,
к которой привык.

Сидит, словно сыч в углу, и жизнь прошедшая с ним.
Хорошо тому, кто на родине тоже не был своим.

Тому, кому были знакомы смятение и тоска,
на кого смотрели косо, а чаще всего — свысока,
хорошо, что нет ни обстрелов, ни обысков, ни резни,
и к тому же, полы для мытья здесь не слишком грязны.

* * *

Маша, это ты за деньги или так, задарма.
Например, по любви к отечеству, или просто сошла
с ума,
или по личной склонности, а какой — не знаешь сама.
Или все же правитель тебя пустил в закрома?
Быть может ты вхожа в бункер? Да нет, не вариант.
Сходи на кладбище, где ты закопала талант.
Хороша Маша, не наша у Маши есть Раша, война,
кабы сбросила лишний центнер. то была бы стройна.
Я знал тебя лет пятнадцать тому, В годы минувшие те
ты была миловидна, во всей своей полноте.
Голос сильный, грудной, с поволокой глаза, и ты
читала стихи с придыханием, перекладывая листы.
Сидела бы за столом, продолжала бы петь...
А теперь ты влюбилась в войну
и просишь нас потерпеть.

Сносить потери детей и разрушенные дома —
это мать вас обратно зовет, это мама, ужасная ма.
Повторюсь — это ты за деньги или сама?
И откуда исходит этот надрывный зов?
От духовных высот или телесных низов?
Смерть или свобода — для тебя это два в одном.
Хоть погиб и истлел — похоронен в краю родном.
Только мертвый свободен в твоей великой стране.
Сиди, Маша, в коробе у Медведева на спине,
седи, чтоб не сел на пенек, не съел пирожок,
не сыграл с тобой, маленькой, в палочку и кружок.

* * *

Ни образа, ни подобия,
ни пути святого, прямого.
Осторожно! Здесь — русофобия.
Обережно! Російська мова!

В Рождество здесь *in dulci ubilo*,
а на Песах — хрупкий опреснок.
А что прибыло и что убыло —
все лежит на весах небесных.

И что делать с таким сочетанием,
со старым, хромающим сердцем,
с приближающимся вычитанием,
с мировой скорбью, вельтшмерцем?

Что ж! Года меня воспитали.
Я не избалован вечным покоем.
Растворяет меня Италия
нестерпимым, избыточным зноем.

Слух упал и мутится зрение,
Как положено. Все в порядке.
Завершается испарение.
Что на дне? Что в сухом остатке?

* * *

Военные ждали тирана. Дождались. Теперь воюют.
Писака ждал госзаказ. Дождался.
Строчит строку за строкою.
Людам был нужен порядок. Получили и не бунтуют.
Что, страна жестковата? Вы хотели ее — такую.

Вам казалось — свобода — опасная, ненадежная штука.
Благо, нашлись ярмо и бич — подставляйте спину и шею.
Рабства хватит на сына и, возможно, для внука.
Будущее — на ладони. Не стоит звать ворожею.

Хорошо, что все снова делается из-под палки.
А тиран состарился. Кормят беднягу с ложки.
И под овации публики в инвалидном кресле-каталке
его везут по красной ковровой дорожке.

И гвардейской ленточкой подвязана нижняя челюсть,
чтоб слюна не текла на правительственные награды.
Но тюремной стене обеспечены сохранность и целость,
и всем наплевать, что творится там, вне ограды.

Монголия

I.

японские боевые роботы
атакуют Пекин
все китайцы убиты
но из-за сбоя в программе
детей не трогают
они
остаются среди руин

2.

трава поднимается сквозь асфальт
на площади Тяньаньмэнь
до горизонта — цветы
по опустевшим улицам бродят электрические слоны
их всадники — роботы
все больны
энергии больше нет
для подзарядки нужна кислота
но нет кислоты
идет
пятый год
от начала войны

3.

дочь японского бизнесмена Аико
живет на верху холма
в обломках старого дома
за окнами — город
под окном — разрушенная тюрьма
она никого не ждет
ей 12 лет и она осталась одна
с ней только ее друзья —
рваный медведь и набитая рисом собака
обломки какого-то пластмассового зверья
в кладовой заканчиваются концентраты
там лишь десять ящиков
испорченного вина

4.

в поисках крысы на ужин
она заходит однажды в тюремный подвал
темно и страшно
вдруг, кажется, кто-то ее позвал
— кто здесь?
— девочка, девочка
скорее иди сюда
мне так одиноко
мне плохо
перед глазами — разрушенные города

5.

за бойлерной, в старом доме
спрятался репликант
робот похожий на человека
умирает
у него инфаркт
сердечная мышца из особого полимера
ослабла
внутри захлебывается мотор
— меня зовут Рюичи СИ 9
мне нужно достать кислоты
нужно солнце
дай мне кислоты, кислоты!
и выведи на вольный простор!

6.

Аико боится
это робот
который стрелял в людей
но он только лежит и смотрит
и не выглядит как какой-то враг
убийца
или злодей
в конце концов
— думает Аико —
я все равно одна
идет в кладовую
и приносит репликанту стакан вина
кислое вино укрепляет робота

он может встать
выйти на улицу
и нормально дышать

7.

но чтобы выжить нужно
закачать в пустоту
резервуаров
соляную, серную кислоту
— где-то на севере есть, говорят, государство —
Монголия
там у людей — машины и электрический свет
там, может быть, для роботов есть кислота
а для детей — производство печенья или конфет
помнишь ли ты, что такое конфеты, Аико?
— конечно, нет

8.

зачем оставаться всю жизнь в разрушенном доме?
— рассуждает Аико —
время уходит
а жизни нет
лучше высушить несколько крыс
взять вина
игрушки
и отправиться
на поиски кислоты, конфет
пусть
робот
загладит вину

и будет человеку другом в пути
а если устану
он, кстати, сможет меня нести

9.

как хорошо — думает Аико — что была война
вся страна заросла
вся жизнь — это лес и деревни
и города
в них — тишина
вода
и порванные провода
только ветер
только
травы и ветер
в степи
ночью Рюичи разводит костер
говорит:
я буду дежурить
а ты поспи

10.

десять месяцев шли на запад
два месяца куда-то налево
потом еще на восток
Рюичи совсем устал
вино закончилось
и он окончательно изнемог
сбились с пути
Монголию не смогли найти

Аико устала
но Рюичи не может больше нести
ее
на руках

11.

однажды
проснувшись утром
Аико
успела лишь
крикнуть: ах
дикие всадники заметили их в короткой
сухой траве
догнали, поймали
ударили робота в пах
(у него потемнело в глазах)
отправили в город
и заперли их в тюрьме

12.

это и были монголы
и у этих монголов нет
ни заводов
ни фабрик
ни кислоты
ни конфет
ни электрических станций
ходят практически голые
и каждый второй из них — людоед

13.

Аико и Рюичи
десять дней сидят
под землей
ожидают, что их съедят
— Рюичи, что с нами будет?
наверное, эти люди
не те монголы
которых мы ищем
знаешь, я не боюсь
но внутри — пустота
хочется взять, улететь отсюда
увидеть другие совсем места
репликант отвечает
— Аико, все это неспроста
зачем-то же
я упал
в подвал
остался без кислоты
и мне повстречалась ты
может, истинная Монголия
это не здесь
Монголия — ветер и те поля
где мы шли
и пустые дома
в зарослях
(их полы в пыли)
и сухие цветы
и их семена
это, когда идешь

и видишь холмы вдали
на холмах высокие крыши
и флаги
и в каждом дворе — цветут персики, вишни
май
начинается лето
проходя через луг
молодая японка и ее электронный друг
смотрят, как из-под ног
разбегаются зайцы
а может быть, лисы
не зайцы
знаешь, мне нравится
говорить об этом
может быть, суть в том, что робот был одинок
и не думал что он один
и ты тоже была одна
а потом принесла
вина

14.

а монголы точат уже ножи
заключенным недолго осталось жи-
ть

15.

но с нами ничего не случится —
говорит Рюичи —
да, повсюду тьма

где, каждый может быть наказанным без вины
может просто пропасть
хоть и нет
уже никакой войны
но я слышал радиоволны
и дал ответный сигнал
просто раньше времени тебе ничего не сказал
сюда уже мчится
специальный тибетский суперотряд
их командир отправляет сводку, что очень рад
нам
помочь
вот только наступит ночь
они придут
и применят лазер
стена превратится в дым
и наступит день
ты проснешься
я окажусь молодым
человеком
ты будешь взрослой
поженимся
пойду работать
по воскресеньям я как положено
на реке
с удочкой и блестящим ведром в руке
буду
возвращаться домой с уловом

15.

а пока
если скучно
можно рассматривать облака
или что-нибудь спеть
или просто сидеть
и ждать
когда все начнется
ждать
какого-то знака
— знака?
— ну, скажем, придет гроза
ты закроешь глаза
и
с первым громом
все неживое окажется вдруг живым
(пусть то, что ты любишь,
встретит тебя за гробом
— про себя произносит робот)
я
сломанный динозавр
медведь
и
рисовая
собака

Дети мщения

* * *

Я сжимаю в троеперстии
круглый ползунок луны —
чуть вдавлю его в отверстие —
передвину в ваши сны,
сквозь винтажное звучание
с плесенью, как сыр дорблю,
тишину по умолчанию —
до утра установлю.
Лето в буче и в гостомеле,
зреют звуки на словах,
чтобы люди мира помнили —
это мы лежим во рвах,
до сих пор ещё не найдены —
вот нога, а вот рука —
дети гришины и надины,
безымянные пока.
А вокруг — сады и грядочки
совершают свой обряд,
нам кроты поют колядки,
нам медведки говорят:
мол, на всех в достатке сырости,
здесь — подземный водоём,
говорят, мы скоро вырастем
и до свадьбы заживём.

Время ижицею тужится
в круге отчего угла,
под случайный камень — лужица
свежей крови натекла:
словно чёрный диск виниловый —
сингл неба и земли,
погрузили в спирт этиловый,
но прослушать не смогли.
Новый день с войной подружится,
даже смерть уйдёт в запас,
и на свадьбе обнаружится —
это вы убили нас,
вы, двоюродные братья,
пригласив встречать рассвет —
заклучили нас в объятия
и сломали нам хребет.
Растоптали угощения,
весь изгадили приём,
и теперь мы дети мщения,
мы и под землёй найдём,
вновь луна правее сдвинется —
больше вам покоя нет:
будет ницца или винница —
мы обнимем вас в ответ.

* * *

Вместе с обожжённой глиной
мы сварганили уху:
воскресенье — воск пчелиный,
постоянно на слуху.

И привязанные к мачте
наши детские мечты:
вы не смейтесь, вы не плачьте,
вы не бойтесь чистоты.

Мы плывём за одиссеем
девяносто дней войны,
мы стареем, мы лысеем,
и кому теперь нужны?

Я несчастных окликаю
и сигналию кораблю:
мне нужны, степному краю,
родине, я вас люблю!

Солнце — огненной заплатой
во хрустальных небесах,
здесь, под материнской платой,
в грязных тогах и трусах —

Вы нужны, как киноплёнка,
доказательство вины,
на войне — мечты ребёнка —
это — пво страны.

Это — клык морского волка,
хвост данайского коня,
вы нужны, живите долго,
чтоб оплакивать меня.

Ветер нам доносит пенье:
это наш еврейский брат —
поминает воскресенье
и приветствует шаббат.

Алексею Цветкову

Я брал за аренду вчерашнего дня,
по нынешним меркам — не много,
и бог, что за пазухой жил у меня,
следил за коммерцией строго.

И с богом, лишённым родительских прав,
ходили мы слева — направо,
жрецы называли меня — изяслав,
торговцы: то — изя, то — слава.

И тот, кто смотрел из грядущего дня
на эту недвижимость в прошлом —
он верил не в бога, он верил в меня,
он видел бессмертие — в пошлом,

обыденном, тусклом, гниющем во тьме,
и пишущем справа — налево,
в горящий фонарик на самой корме —
ковчега, библейского древа.

Он верил, и звали его — ибрагим,
и с ним его крестная сила,
а нынче, всё прошлое было — моим,
и после, всё прошлое — было:

Молитвенный камень, бумага, металл,
а ножницы — я дорисую,
и маленький бог мой — за пазухой спал,
похожий на опухоль злую.

А после — распалась преступная власть,
с пустой похоронкой в конверте,
а после, а после — вся жизнь пронеслась,
вся жизнь пронеслась после смерти.

* * *

Всё то, что может быть стихами:
из света — брошено во мрак,
лежит и не гниёт веками,
как мясо с ядом для собак.

Здесь скорость света — нулевая,
а скорость мрака — будь здоров,
и взвыл поэт, околевая
отведавший чужих даров.

И еле слышен в этом вое —
раскаиванья жалкий звук:
мой бог, зачем я съел чужое,
с земли, а раньше — ел из рук?

И можно перепутать с тостом —
его унылую мольбу,
и вот он, смешанный с компостом,
вращается в своём гробу.

И сад в степи, и город в море —
науки явственная прыть,
и в женском смехе, впавшем в горе —
какой-то вывод должен быть.

К примеру, кносский дом на крыте,
весь новодел кустов и рош,
весь козий сыр с вином — берите,
империи былую мощь —

Берите всё: поджопник, ляпас,
прощенье в розовом говне,
но эту кровь и этот пафос,
и вашу смерть — оставьте мне.

* * *

В овраге, на холме — я спал в огромном доме:
наполовину — пуст, наполовину — полн,
я книгами топил камин в кубинском роме —
и слышал шелест волн, и слушал шелест волн.

Его перебивал: то монотонный зуммер
сверчков в кустах, то эхо от вины:
как всё же хорошо, что так внезапно умер,
что не дожил мой папа — до войны.

Иначе, он бы был, как старая собака —
от боли, под обстрелом, без лекарств,
в херсонской оккупации, страдающий от рака,
но взял его господь — в одно из лучших царств.

Иначе, он бы знал, как могут эти суки —
со смехом убивать, насиловать и жечь,
но взял его господь, как мальчика, на руки,
как сына своего — от муки уберечь.

И вспомнил я сейчас, в апреле, на изломе
весны, когда мы все — обожжены войной,
про папу своего, когда я спал в роддоме:
он плакал надо мной, он плачет надо мной.

Рагнарёк

когда враги нанесут ответный удар
и генеральный штаб превратится в пар
древние старцы выйдут из монастыря
поднять из могилы преданного царя

он лежит опутан прочнейшими из цепей
сплетенными комсомолками из его кудрей
звука кошачьих шагов птичьей слюны
слез парторга трав неосвоенной целины

освобожденный он пророкочет из глубины
вы устали жить без инквизиции и чумы
в мире без железной стены и холодной войны
призываю на вас мать кузьмы и все семейство кузьмы

протрубит в железный рог мать кузьмы
и затмится третья часть звезд и луны
станет солнце кровью рухнет звезда полынь
треснут печати и откроется кладезь тьмы

протрубит в серебряный рог отец кузьмы
и восстанут из мертвых от хельхейма до колымы
соберутся на самый трудный последний бой
все кто во имя великих дел в эту землю лег

протрубит сестра кузьмы в золотой рог
и с мечами горящими выползут из берлог
порожденья испорченного ума
мантикора зубробизон человекобог

и тогда расступится морская волна
выйдет в мехах и золоте змей кузьма
и сольются в единое мать тьма и сестра война

Читая Киплинга (в пер. С. Я. Маршака)

если войдут полки
солдат из темной страны
наши зубы будут крепки
наши руки будут сильны

золото спрячем в золу
железо возьмем с собой
выйдем в вечернюю мглу
и сами уьемся тьмой

будем посевы жечь
волком выть при луне
цепями в ночи греметь
являться в кошмарном сне

биться совой в окно
кастетом крушить бока
русалкой тащить на дно
пьяного моряка

резать их дочерей
на парковках закрытых школ
к воротам концлагерей
крепить смертоносный тол

смех отомрет и речь
слезы усохнут в соль
камнем не даст лечь
сердца фантомная боль

криком разгоним мрак
и в амбразуры глаз
узрим как последний враг
умрет от стыда за нас

* * *

не выходи из комнаты без веления военкома
потому что комната опора семьи и дома
укрепи окно фанерой и дюбелями
если давит стена укройся двумя стенами
не читай про карла что тебе та полтава
что написано на бумаге навсегда отравы
забаррикадируй шкаф и поставь охрану
пусть твой мир озарится светом телеэкрана
пусть уйдет война но разве придет победа
если это пространство не сожмется до кабинета
туалета табурета подушки и пледа
комендантской ночи и полусонного бреда

что тебе мина в море дождись в сортире ракету
не совершай минета куда не минет лето
разве вздрочни но зачем тебе плоть живая
если сетку ласкаешь сплетая и расплетая

* * *

говорит водитель где ты был столько лет
если воевал то где твой черный берет
если ранен то где повязка и жгут
почему тебя не провожают почему не ждут
мой автобус как конь фыркает и хрипит
дробит асфальт тяжесть его копыт
он хочет лететь как ветер не зная скидок и льгот
где твои справки уйд паспорт и код
где мандат на право ездить по этой стране
вспомни может ты просто умер на своей войне

если я мертвый где мой саван и гроб
почему меня генерал не целует в лоб
почему не плачут по мне девки и мужики
словно не я а вы все пили из леты-реки
с твоей иконки смотрит убитый бог
по костям проложено полотно дорог
разве не найдется чтобы доехать домой
места мертвому за твоей спиной

* * *

запретные руны как звезды горят
на касках альпийских стрелков
ведет роттенфюрер безмолвный отряд
во тьме антарктических льдов

у мертвых солдат ни чинов ни погон
но каждый погиб как герой
отличные парни из славных времен
где черчилль такой молодой

они не знают тексты присяг
не помнят своих подруг
но когда ласкают железных собак
культями мороженных рук

словно вертятся на языке
песни родных земель
так старые зеки проносят в очке
цукаты и карамель

отряд проверяет ржавеющий док
кладбище субмарин
торжественным шагом обходит флагшток
у бункера номер один

у старой трибуны где фюрер с тоской
кричит вытирая слюну
о том как такую ах боже ты мой
такую просрали страну

но после упреков и грозных речей
спешит успокоить он бравых парней
погибших за родину в честном бою
они заслужили награду свою
служить до скончания дней
на море что белого моря белей
на юге что юга южней

* * *

на убой на забвение
проводжали бойца
не по медзаклучению
по ошибке писца

пусть гуляет он по полю
не доставшись врачам
свою астму сердечную
предъявляет ветрам

степь прошитая пулями
не взойдет ковылем
череп да орудия
вымывает дождем

это красная армия
здесь лежит а под ней
инфракрасные армии
незапамятных дней

комиссар и поручик
атаман и корнет
здесь рубились с туманами
и стреляли в рассвет

кто теперь догадается
где враги где друзья
позвонками срастается
фронтовая семья

пусть веселую песенку
мне акын пропоет
чтобы строки хорошие
чтобы брови вразлет

чтобы встретила девушка
паренька своего
чтоб хоть раз моя родина
умерла за него

* * *

на экране не разобрать где каир где полярный круг
отчего мы грустим опять когда дроны летят на юг

съемка с рук словно зов луны не заснуть
если кадр зернит
это пепел чужой страны в объектив стучит

спор на кухне мужской азарт обсуждения диктатур
освоение схем и карт звон и грохот аббревиатур

будто в горло зола и прах городов партизанских слав
боль в ключице и на шнурках семена незнакомых трав

или виски и лед в бокал портсигар на две трети пуст
и несет на жилой квартал ядовитого чипса хруст

или мальчик планшет в руке свитерок и кроссовки найк
крутанув по бегущей строке неуверенно ставит лайк

но когда косорукий боец психбольницу разносит фугасом
каждый сам себе военспец в молоко оно или в мясо

Патрису Лумумбе

жестокий мадьяр и спесивый тевтон
здесь щебень ровняли и клали бетон
но именем рыцаря черной земли
арийцам в насмешку проспект нарекли
пустынею грезить о море мечтать
и джозефа конрада в страхе листать
зачатую в пене одесской волны
великую книгу про области тьмы
тому кто по улице этой шагал
и каждое утро на стенах читал
заморское имя высокая честь
мы с детства узнали что волости есть
где речка кинконга по трупам течет
где горькая чомба под румбой растет
где ветер скрежещет и стонут поля
патриса патриса лумумба моя
мы мчались стараясь забыть поскорей
романтику боя огонь батарей
зулусские армии в пешем строю
севилью мою и гренаду мою

сменили таблички на стенах домов
снесли изваяния старых богов
и только тараса усатые лбы
по паркам и скверам торчат как грибы
оставшись последним на этой земле
кричит он вдогонку гранитной семье
прощайте родные простите друзья
тараса тараса патриса моя
не стоит по старым героям тужить
не даст нам эпоха без бойни прожить
нам новые песни подарит война
и улиц не хватит на все имена
лишь море напомним о дальних краях
где в неге изысканный ходит жираф
где наших диктаторов и палачей
сочли бы за клоунов и хипарей
где наша война утопический мир
где наши блокады невиданный пир
где ласково шепчут слезинки дождя
лумумба патриса лумумба моя

(2017 г.)

* * *

Приготовиться. Целься. Пли.
В неразношенных берцах товарищ,
завоюй немного земли —
не хватает места для кладбищ.
Продвигайся за пядью пядь
и бери полустанки с бою,
а иначе где закопать
то, что было вчера тобою.

* * *

На фотографии —
маленький мальчик,
под фотографией —
плачущий смайлик.
Лёгкая лодочка.
Храброе бегство.
Зоркость наводчика.
Вечное детство.

* * *

Единственный твой сынок,
защитник, помощник, друг,
с вокзала придёт без ног,
обнимет тебя без рук,

наполнит стакан без дна,
без глаз оглядит подвал
и скажет: была война,
и я её проиграл.

* * *

Международный язык —
младенческий лепет.
Спит у груди призывник
Голгофы. Колеблет
воздух взрывная волна.
Противник не выбит.
Путь отрезает война
для бегства в Египет.

* * *

Я — на дно. Кто со мной?
Поздно вещи собирать.
Будем жить под водой,
через дудочку дышать.
Будет тишь. Будет гладь.
Будут будни и труды.
Будем птиц удивлять
музыкой из-под воды.

* * *

Все страны, кроме одной.
Что же мы так бездомны?
Встречаемся, мой родной,
около пятой колонны
большого театра войны —
в Эривани, в Тифлисе,
как рыбе зонтик нужны
мировой закулисе.

* * *

Догорают купель и купол.
Ты не смотришь в глаза беде?
Умирающий Мариуполь:
Богородица на кресте.
Плачут Иоаким и Анна.
Сын снимает Её с креста.
Между ног — рваная рана.
Ты не веришь? Вложи перста.

* * *

Что осталось от нашего
дома? Угли, зола.
Похоронено заживо
всё, чем раньше жила.

* * *

Левый плачет об одном,
правый — о другом.
Левый: взорван детский дом.
Правый: где мой дом?
Не кори слезу, слеза.
Колокольный звон,
научи мои глаза
плакать в унисон.

* * *

Времени ход черепаший.
Долго ли до перемены?
Знает ещё не дышавший
голос воздушной тревоги.
Бомбоубежище лона.
Несущие стенки матки.
Нежности тероборона.
Схватки.

* * *

Допускать правоту Пилата,
понимать и прощать Иуду
не просите меня, не надо, —
не хочу, не могу, не буду,
потому что слова-пароли,
потому что отзывы-рифмы
толерантны до первой крови,
до последней непримиримы.

* * *

Стала душа могилой,
кровавым кошмаром явь.
Молю тебя, шестикрылый, —
двуглавого обезглавь.
На волоске над бездной
всё, что люблю, чем живу.
Архистратиг небесный,
помоги ВСУ.

* * *

Не говори: я стреляю мимо.
Пуля не дура — летит до конца.
Выстрелишь в небо — убьёшь херувима.
Выстрелишь в землю — убьёшь мертвеца.
Птицу. Крота. Стрекозу. Полёвку.
Пуля не дура — найдёт себе цель.
Не слушай комбата — бросай винтовку.
Послушайся маму — забейся в щель.

* * *

Сколько гробов по плечу
женскому человеку?
Плачу о мёртвых — плачу
пожизненную ипотеку,
трачу кап-кап-капитал.
Мать утешавший «Жено,
не плачь», не Ты ли сказал,
что плачущие блаженны?

* * *

Евгении Моргулян

По ржавому пальнув, пустому баку:
отстой, мол, и фигня,
он, выбив дверь, убил мою собаку.
Потом убил меня.

И не было ни ужаса, ни боли —
негромких два хлопка.
Мы встали и пошли, минуя поле,
направо, где река.

Но лапу приволакивала псина,
и боком по стерне
теперь не впереди она трусила,
а тычась в ногу мне,

в любой момент готовая включиться,
и даже огрести
за дурочку, с пробойной в ключице
и слабостью в кости.

Река, вписавшись в местную природу,
слегка смиряла прыть.
Я знала, что собака эту воду
не сможет переплыть.

А та в оцепенении глубоком,
поджав худой живот,
косила на меня печальным оком:
«А вдруг не доплывёт?»

Две беженки, чей срок на «или — или»
бессмысленно истёк,
мы с ней переглянулись и поплыли,
по грудь войдя в поток.

И, словно безразличная, чужая
речь вне добра зла,

река впустила нас, не отражая
в себе, и понесла.

Памяти полуострова

Марине Гарбер

Жжет, истерит, надравшись, блюет в порту,
«на» энергично перетирает в «дай!»
Лето — диджей в любовном поту, в тату.
Осень — джедай.

Лето грызет початок, упав плашмя
на парашют, бубнит имена светил
в чье-то ушко, не веря, что жизнь прошла
и белозубый лайнер уже свинтил.

Осень бесшумно пересекает вброд
всякую воду, тенью скользя по дну,
в гору ползя, легко маскируясь под
красный шиповник, черную бузину.

«Сядь, — говорит, — на камень, глаза разуй.
Я подымлю пока за твоей спиной».
Сел и увидел: золото и лазурь.
Вздрогнул. И снова — золото и лазурь.
«Вот, — говорит, — а как ты гнушался мной!

Зря не канючь: в какую, мол, почву лечь?
Вышли в тираж твои васильки и рожь.
Там, где взметнется мой светоносный меч —
там и замрешь».

2

Молодое светило вылезло на вершок.
Пять утра. Ни морщинки на посветлевшем шёлке.
Пляж безлюден. Лишь две синюшные шалашовки
собирают бутылки в пластиковый мешок.
То ли это мотель на трассе, то ли сераль:
бирюзовая вязь, понтовая позолота,
в запотевший цветник распахнутые ворота
и коровьей лепёшки спёкшаяся спираль.

Справа — старый погост, где розы крадёт жульё, —
на бетонной ограде красным: «Сдаю жильё»;
снизу — чёрным — приписка: «Дорого и навеки».
Неопознанный птичик боком торчит на ветке
запылённой софоры и верещит своё.
Слева клуб, от невзгод не спасший свою корму.
Но фасад уцелел и плиты ещё не спёрты.
Перед ним — постамент, мужик в пиджаке. Кому
этот памятник? Вроде, Киров, но буквы стёрты.

Куришь, в масляный воздух дым выпуская злой,
пятернёю вода нелепо, как бы смывая
этот верхний, сиротский, праздно-лубочный слой.
И фрагментами проявляется вдруг живая
виноградная волость, каменная страна,
всякий раз при угрозе вражеского секвестра
уплывающая из рук полотном Сильвестра
Щедрина.

3

Видно, здорово напился, убаюкивая дух,
коль не хипстера на пирсе видишь ты, а сразу двух.
Это прям какой-то Пратчетт. Клацнув дверцами тойот,
глупый хипстер робко прячет, умный — смело достает,
чтоб, торча в чужой палатке с гордой надписью «Надым»,
ты ловил ноздрями сладкий электронной цацки дым.
Не впервой курить вприглядку бездоходному тебе,
на челе сгоняя в складку мысль о классовой борьбе.
Не впервой слезой давиться пересекшему Сиваш.
Все плывет, и все двоится: крымненаш и крымневаш.
И маячат беспартейно — между миром и войной —
цвета местного портвейна два светила над волной.
Ты и сам давно раздвоен: у тебя внутри мятеж,
перестрелка, смута, зрада, разоренная страна,
где один — Аника-воин, а другой — А ну-ка врежь,
и обоим вам не надо ни победы, ни хрена.
Потому что в этом гуле, продолжающем расти,
ты боишься, но не пули — страшно резкость навести

на окрестность, где отсрочка от войны лишает прав,
и никчемный одиночка видит, голову задрав,
как меж бездною и бездной, рассекая темноту,
хипстер движется небесный с огнеметом на борту.

4

Дом открыли, флигель. Шорохи тростника
запихнули в глечик. Кофе, спеша, смололи.
Даровали слизню имя — Три Толстяка,
пауку — Самсон, пятнистой лягушке — Молли.

Навестили пляж. Базар обозрели, где
разведённый спирт назвали татарской чачей,
черенком листа — червя в дождевой воде,
продавца чурчхелы — дерзким вождём апачей.

Дополняя смыслом, но не лишая прав,
всяку тварь живую мы воплотили в паре
с новоязом пришлых, сущее преврав.
И уснули, рухнув. Господи, как мы спали!

Ничего не слыша. Навзничь, потом ничком.
Сны овечьей шкурой пахли и молоком,
по краям холмов цикорием голубели.
Дул левант. Клешнями крабы скребли по дну.
Мы проспали голод, смуту, позор, войну,
наводнение в Ялте, засуху в Коктебеле,

передел пространства, времени торжество
над селом сиротским, что по ущелью вьется.
И проснулись там, где не было ничего.
И забыли напрочь, как «ничего» зовётся.

Осень сошла с лица краской, читай: красой.
 Жизнь выпрямляется встречною полосой.
 Побоку — ясень, лох, дрок, облысевший знак.
 Облака бледный клок. Четкость разметки. Знак.
 Гаснущей вотчине побоку ярмарки,
 где на обочине — ведрами — яблоки.
 Между таможен двух — пост, автомат, затвор —
 с телом нарушил дух временный договор.
 Тело — вперед и сквозь: паспорт-контроль-стена.
 Дух — возвращает в гроздь юную злость вина,
 кость облекает в плоть, путь обращает вспять,
 то, что не побороть, силится отмотать,
 чтоб меж запретных зон, между таможен двух —
 май, комариный звон, кроны зеленый пух,
 чертополох в росе, новости без войны,
 стол, за которым все счастливо влюблены...
 Тело, пройдя посты, прыгнет в экспресс ночной,
 духу махнув: «Прости, кровник невыездной!
 Вряд ли тебя, лопух, где-нибудь хватятся».
 Между таможен двух яблоки катятся.

.. там пеларгонию разводит Пелагея,
 там — в юбке выцветшей — со шваброй и ведром,
 к сараю дальнему крадется, где, наглея,
 с утра Мишаня дегустирует с Петром
 шмурдяк из ягод. «Разрази вас, трутни, гром!» —
 кричит, разгневанно бутылку отбирая.
 Два злоумышленника изгнаны из рая.

«Петро — на выход, паразит! Мишаня — спать!»
В облезлом флигеле железная кровать
визжит пружинами, брюзжит, вмещая тело,
еще бормочущее дерзкие слова.
Невнятной моросью пространство запотело,
многоочита абрикосами трава.

...Мишане снится: он — пилот, его подбили
в бою над Горловкой. Дымясь, вращаясь, он,
нечистой силой замурованный в кабине,
летит безвольно прямиком на террикон.
И некто бронзовый, но с харей проходимца,
с хвостом, закрученным, как мертвая петля,
гнусавит голосом поддатого Петра:
«В Крыму понежился, а сдохнешь, где родился».

В одно мгновенье разлепив скорлупки век,
рванув из флигеля, как «заяц» из трамвая,
вертя башкой, но ничего не узнавая
в дыму и копоти, Мишаня смотрит вверх,
где пеларгонии, подрагивая, рдея,
клубясь, растягиваясь, движутся на юг.
И нет ни элина вокруг, ни иудея.
И всем — каюк.

7

Ты почти живой, но с приставкой «не».
Плоский жук жарой пригвожден к стене, —
там лоскутная тень листвы
на ветру полощется где-нигде.
По-пластунски тело ползет к воде,
грезя о холодке Литвы.

А сухой и юркий сосед Колян
квартирантку водит курить кальян,
доставляя домой к утру.
И она повизгивает, пока
деловито рыщет его рука
по крутому ее бедру.

Но тебя колотит от сих забав,
задушевных пьянок, бесед «за баб»,
перепалок в чужом дворе.
Ты все меньше спишь и почти не пьешь,
прошмыгнув, как мышь, прошуршав, как еж,
к неприметной своей норе.

Для чего утек от большой резни,
если с телом столько теперь возни?
Юг — не в жилу, а в маету.
Там — ножи и пули, тут — ловкачи.
И не Фрези Грант по волнам в ночи, —
боль, бегущая по хребту.

Ты б купил покой, лимита пустот,
но твоей башкой расплатился тот
за построенный впрок редут,
кто, пригнав конвой, вывозил татар.
Никому не свой, как Вазир-Мухтар,
жди, когда за тобой придут.

Ты, дробящий толпу на взводы и на бригады,
изучающий алчно карту моих дорог,
мы с тобой не по разны стороны баррикады
потому, что и баррикада есть диалог.

Я, представь, не любила с детства урчання, рыка,
этих «смир-рно!», «р-равняйсь!», раскатов двойного «эр».
И картавость моя — лишь косвенная улика
внутривенного неприятия крайних мер.

Безразлична к твоим указам моя держава —
обесточенная провинция, for example, —
южный двор, где лучом закатным подсвечен справа,
над верандой завис сирени прощальный залп;

где легко шепоток о Шнитке или Башмете
разрастается в гул вечернего кутежа,
и, как пуля, от стенки треснувшей срикошетив,
майский жук на тарелку шлёпается, жужжа.

...Иногда из набухшей тучи звучит валторна,
И в ответ верещат встревоженные сверчки.
Но мятеж принимает форму ночного шторма,
что смывает к утру прибрежные кабаки.

Всякий стяг на твоих просторах мне фиолетов,
демонстрация власти, переговоры, блиц —
интервью... И меня мутит от любых декретов,
как порою мутит от жизни самоубийц.

С генералами сил ошую и одесную
ты спешишь завершить батальное полотно.
Но, как только твои войска подойдут вплотную,
эта малая атлантида уйдет на дно.

И трофейный пейзаж, что, впрочем, не столь заманчив,
дикувато сверкнет в голодном твоём зрачке:
на лазоревом — белый пластиковый стаканчик
с полумёртвым сверчком на выпуклом ободке.

*(Текст, написанный в Киеве
в декабре 2021)*

#лисистратапишет Я поставлю перед нами еще более сложную задачу, чем раньше. Это примерно раздел Польши. Гулаг Ваньши, отца матери моего отца, харьковского Ивана. Зло превосходно чувствует тут себя, бездоганно. Всё, что я так любила, во что верила и вложила всей своей жизнью, идет по праху. Бог, закажи мне белую дедовскую рубаху воина, офицера. В ней я уйду как надо. Чую отчетливый запах серы. Мы покидаем тебя, этот мир, как эльфы покинули в третьей саге Не пиши мне более на бумаге Не пиши ни в мессенджерах, ни на небесах. Я хожу перед зеркалом дома в одних трусах То Версаче, а то с соседнего рынка. Черный цвет основное, неважно, спортивные или бикини. И цветные носки зачем-то скупаются мной, дурной. Зеркало поплыло в амальгаме, его заливают иней. Я поставлю нам старую пластинку времен тридцатых. Там же люди вполне понимали, куда всё это, или ещё мечтали, что им придётся Выскочить из аннексии и аншлюса? Как им еще музицируется и поётся в их чудесных варшавских и львовских квартирах? Были примерно такие, как мы, вся

моя туса. И Зеленая карета, мёртвая Галчиньского карета. Я не люблю, когда в мою спальню заходят без спроса. Ставим на перемотку, посылаем нахуй входящих. Так, мне нужны пауза и папироса.

Я не люблю насилия во всех, ни в умерших, ни в присутствующих настоящих В этих истории повтореньях, в её политических дырах, провалах. В пыточных всех астральных, в закрытых от глаз ОБСЕ подвалах, мортирах

Я поставлю нам четкий вид на эфир с балкона, в эфире видосы с протестов, сделанные не нами, рулят соцсети. Операторы делают все что могут с двух камер. Хорошо, что никто из моих там не умер, но до фига опасно. Бог сохраняет всё — ранее на кассете, ныне уже в цифровом формате. Если же Он потеряет, не буду жалеть о Его боевой утрате. Если нам надо работать, я восприимчива, но безучастна. Пусть Он хранит эти записи где-то в Своем архиве. Пусть Он посмотрит, как мой Товарищ, на эти людские пытки. И тогда мы взглянём, как Он развернёт нам и огненные свитки, и строительство Мира с очередной попытки. Тут уже будет всё абсолютно ясно, суко, чего яснее.

Я хожу в этих дрянных трусах с Его рынка и ржу, всё красиво, и не краснею Меня читают и мой брюнет, и моя блондинка Я не сплю никогда на второй на плацкартной полке, изображая верхнюю госпожу

Я поставлю нам позвоночник путем регулярной зарядки и упражнений Мышцы его столба атрофируются без практик. Скажу как

сверхсрочник: Службу не одолеешь без унижений.
Знает наука немало гитик. Плюнуть в лицо
Генштабу, смотреть во глаза чудовищ. Только такие
частные лица меня интересовали, интересуют.
Только таких искала бы я сокровищ. Граждане то ли
ржут, то ли бешено нам плюсуют.
Я поставлю нам оптику снайперов на Майдане.
Поименно назову этих тварей, которые шли из Ада,
как идеальная бригада. Верую в воскрешение
мёртвых, восстание ангелов, во сердца живых.
Нет у меня судьбы, как и не бывало. Я смотрю
на историю как на вывих, на снег и следы
трассирующих боевых. Зима, как пепельное одеяло,
накроет нас во сне в различных городах. И археологи
начнут смотреть через лупу, какое странное бельё
в момент гибели носила эта девка Китайского,
похоже, ширпотреб Получше не могла себе найти.
Ну впрочем, тут и не такое видели Когда огонь стоит
во тьме до неба, когда один огонь горит в пути

* * *

#ЛистидоХаркова #Лисистратапише Кто бы
я была бы тут, кто бы была бы я Какова Кто бы
я была бы тут, кто бы была бы я Какова бы кто
я бы как имели стоя бы Ты какая честная тварь
малоизвестная Пишущая гадости в личных
комментариях личных сообщениях Никаких
прощений нах ничего хорошего только люди
в крошево все живые в крошево Город мой

растоптанный, детка безотцовщина Глаз на жопе
лопнутый Человек утопленный (здесь военная
цензура)

Я тут в санатории всей политистории Не ругай
меня, Иван, мы должны увидеться.

Ты пойдешь по полечку ты пойдешь по минному
Думал по короткому оказалось длинному Думал что
по-братскому а пошло по адскому

Все мое терпение лопнуло в Ирпени, я тут слежу
за мелкими, я слежу за хроникой, знаю за собаками
Я смотрю на видео за своими суками За моим
за Харьковом, за прекрасным Киевом За Жаданом,
за тобой, мой далекий Ванечко. За моими
девочками, за моею Инною, Ванею и Олею под
русскими бомбами нету сердца у меня менее
и более я трясусь от ужаса я трясусь от паники как
вы мои любоньки как дома порушены где лежат
убитые анонимы неотпетые нету мне ответа-то,
только люди в крошево нету мне прощения нету
мне молчания есть одно мычание мертвое упертое
только вой по зверскому, речи не останется только
ор животного черный голос пьяницы черный голос
плакальщиц над могилой милою как же ты любил
меня да и я любила я

Встаньте мои тленные до земли зашитые, до самого
копчика от бедра последнего от земли рассеянья
до небес раскаяния Богом незабвенные Накажите
адское Поменяйте пленное И для парамедиков
подвезите нужное И закройте небо нам, суко,
безоружное

* * *

#РазговорыСДьяволом #РавноапостольнаяОльга
#Лисистратапишет #Замоихлюбимых
Равноапостольная, выпизди их уже из города
Твоего. Девки мои работают, как будто
их не бомбят. Ходят гулять с собаками, варят
борщи. Ленятся до убежища, дома так лучше спать
В ванной с несущей стеной, на полу Маня 14 лет
листает гаджет, там у нее тик-ток. Мам, не пойду,
отстань. Ева вернулась в Харьков работать
с коробками в рюкзаке. Равноапостольная,
выпизди их из города Твоего. Из всех городов
страны. Ты в курсе, что делают пацаны. Их руки
в Твоей руке. И сохрани мне всех, каждая молится,
особенно моего.

Распространи у Себя во Тьме боевой листок.
Каждому подопечному демону сообщи: восстань.
Зло само должно покарать того, кто криво пошел
во Ад. Глупые люди, ненужные Аду, русская
пропаганда, не смей, перестань. Да и Ты,
Повелитель лжи, разве того хотел? Ты готовился
долго, унижительно долго пел в уши своим
И вот Ты увидел, как всё это видно нам. Нечего
тут показать живым, девкам и пацанам. Пепел
один, только пепел один и лед. На этом Тебе
не встать. Приготовься принять условия, начинай
сотрудничать, костяной мешок, волчья сыть. Я бы
хотела Тебя не знать, но раз надо, то буду знать.
Русские не сдаются и не пройдут. Что-то пошло
не так. Пусть их лежат спокойно в чужой земле.

Бог сохраняет всё, сохраняет всё. Каждого держит за руку на столе Патанатом, военный ангел, пока я настаиваю на зле. Каждого держит за руку, за рукав. Помню, о чём я ни разу не пожалел. Вряд ли я прав, ссыклив. Равноапостольная, давай. Выпизди их наконец из города Твоего. Вспомни, как ты убивала предателей, пока не стала святой. Ад помогал Тебе, ныне и Ты не держи Его за отстой.

Я пишу Тебе это письмо как человек простой. Вспомни Свои основы характера, боль, боевую месть. Четыре истории пред тем, как Ты вознеслась. Это не власть, Возлюбленная, не весть, это я ору до Тебя, валяюся на полу, ладонями по кресту. Мне всё равно, видишь ли Ты меня. Выпизди их наконец из города Твоего.

* * *

#Лисистратапишет Как говорили умные девы, когда Христа уводили у них на глазах, Мы дождемся Его пришествия, все в жемчужных слезах. Мы на копья не бросимся, надо силы копить. Мы ногтями не вцепимся в лица стражников, их защищает броня. Как вернётся, нам будет Кого любить. Эта печальная сказка не шас, не про нас и не про меня. Пусть Он Сам умрет, если Сам того захотел, если выбрал несправедный суд, и стал один среди мертвых разбойничьих тел. Пусть Он сделает то, для чего Он пришел сюда и чего хотел.

Не мешайте ему, не помогайте Ему, это да. Мы подождем, и под серным дождем, и под холодным простым среднерусским дождем. Если нам тут пизда, то бессмысленно всё это обсуждать. Как говорили глупые девы, но это не закреплено в каноне Пасхи, рассказывал один Её боевой офицер. Когда Он умирает, мы всё время бываем с Ним. Не Он молится за нас, мы молимся за Него. То есть мы, глупые бабы, сёстры, отмаливаем Его от блистательного адского Ничего. Мы ничего не получим, девчонки, одну труху, стражников и побои, пытки, тюрьму, сомнительный результат. Что же, идем во тьму, и пусть нам в уши щоденно поет кастрат, убиенный, подвергнутый пыткам какой-то нечистью несколько дней назад, новомученик падшего мира, назови Его, о сестра, не боясь. Это не жертва, а Господин, это великий Князь на небесах рядом с Господом, Божией Матери паладин. Не успеваю запомнить все имена, про кого молюсь.

Я не могу пройти через простую людскую боль. Физическую, Твою, мой Король. Всё, что бы я ни сказала, никак нигде, не работает, низачот. Кровь течет по глазницам внутри, как будто река течёт. Тут я реву во тьме, как и не снилось мне. Некому дать отчет. Стыд и вина разъедают мене до дна. Я не могу помочь, не могу помочь. Средостение рвется тут по Кресту, держи нас, о Мать Мария, моя Королева Ночь. Думаю я о вас на этой войне, мои мужики.

Бейтесь спокойно, люблю вас, как никого. Думаю
я о вас, мои сёстры, на этой войне. Бейтесь
спокойно, люблю вас, как никого никогда.
Харьков, Одесса, Киев, мой Мариуполь, земля
от Днепра — справа, если смотреть по карте,
смотри, моя умственная сестра. Пусть вас
не смущает мой русский язык. Христос говорит
со Своими бойцами на одном языке.

Постылое иго греха и вины

Мария Игнатьева

Барселона — Москва

Беги из Египта в песчаную степь,
Вдоль сопок, солёных от слёз,
Где лотовы жёны впечатаны в тень
От мёртвых засушенных грёз.

Постылое иго греха и вины
Ещё с горбачёвских времён.
Пустая пустыня до самой страны,
Где дуб над рекой накрёнён.

Меланхолия

Чем гуще хворост очертаний
и разноцветнее заря,
тем явственнее причитанье
в дрожащих недрах бытия.

Не обновлялись дни недели
и вздрагивали муравьи,
когда над Патмосом летели
четыре ангела в крови.

Когда на бреющем полете
звезда врезается в звезду,
нечеловеческие плоти
на первом корчатся ряду.

Прощай, как детство, невозвратный,
материками тёмный шар.
И здравствуй, полдень аккуратный,
адамов длящийся кошмар.

* * *

Наступили злые времена.
Выплеснулась звёздная слюна,
образуя царственную лужу.
Глянцевая полная луна
как медаль лунатику за службу.
А в болоте квакает одна
в комарином обмороке жаба.
Ей по горло эти времена.
На рассвете железы разжала:
тьфу — и нету злого колдуна.

* * *

Что мы можем,
Я маленький, он большой,
Ничего уже в карманах и за душой,
Здесь не сел,
Значит день хорошо прошёл,
А не сдох — почитай за счастье.
Что поделать,
Я действительно невелик,
Чувство швабры в жопе
Рыпаться не велит,
А вообще-то надо было давно валить,
Так валить,
Чтоб не возвращаться.

Это где-то,
Не здесь, а там.
Это чужое детство там.
Это бабе велят раздеться там,
И чтоб тебя, блядь, не слышно.
Да у нас самих тут
Сплошной барак,
Да у нас наружка
Во всех дворах,
И у всех отрыжка и липкий страх,
И как бы чего не вышло.

Почитай отца и мать твою,
Мать твою,
Мать твою
и страну,
Почитай о том,
Как чужие дети ведут войну
За собой,
Посчитай потери,
потереби перед сном вину,
Постарайся быть осторожней.
Да никто тебя не гонит на броневик,
Если дождь идёт,
Вытаскивай дождевик,
Что поделать, ты действительно не велик,
А когда болит,
Прикладывай подорожник.

Это там, где-то,
опять бомбят,
Там кто-то прячет своих ребят,
Там кто-то плачет сто дней подряд,
Другие,
не вы,
не вы же.
Это не здесь,
Этот мёртвый дом.
Четвертый месяц, четвёртый том.
Нашим детям велят забыть о том,

Что кто-то однажды вышел.
А моя хата с краю,
Я не сдаю в общак,
Я сейчас вообще не готов о таких вещах,
Все на сложных щах,
Ты глянь,
Все с шахидскими поясами.
Прошу тебе йди з моеї голови,
И не клич мене,
Сука ты, не зови,
Господи,
помоги им выжить
Среди этой уже неживой любви,
Но пусть они как-то сами.

Не моя вина,
Что кто-то распряг коней.
Отойди от окна, нельзя говорить о Ней,
Эта ночь длинна,
А будет ещё длинней,
Мы не знаем,
Насколько длинной.
Это где-то там,
Сто на десять дней,
Это там война,
И ещё войней,
Это мать родна, и ещё родней,
И рот забивают глиной.

Нужна одежда на женщину,
Семьдесят девять лет,
Из города, которого больше нет.
Футболка М — Мариуполь,
Куртка L — Лисичанск,
Лифчик на чашку В —
Буча и Бородеянка.
У нее с собой только паспорт,
Истерика каждый час
И фото внука на фоне танка.
Всегда не хватает обуви и штанов.
Можно не новое —
Кто в этом мире нов —
Но все должно быть постиранным и удобным.
У кого есть нужные вещи,
Можно сразу везти на склад,
А когда наконец закончится этот ад,
То он не закончится
И отдадим бездомным.
Нужна одежда на мальчика,
Он только пришёл на свет,
В городе, которого больше нет,
Где от людей остались одни детали.
Где он был эти восемь проклятых лет?
Где-то, где нет войны
И Азовской стали,

Где-то, где бегают кошки,
Течёт ручей,
Где-то, где нет бурятов и москвичей,
Там, где нестрашный лес
И на завтрак манна.
Там, где нет ни взрывов,
Ни палачей,
Там, где можно неслышно смотреть с небес,
Как ещё идёт
в живую школу
живая мама.

* * *

Моей Ане

Анжела кричит и не хочет спать.
Двенадцать протяжных нот.
Сейчас замолчит и начнёт опять,
И так двадцать первый год.
Последнее время совсем беда,
Четвёртая ночь без сна.
У мамы Анжелы война всегда,
Не только, когда война.

Анжела боится, когда кричат,
И сразу кричит сама.
У мамы Анжелы отдельный чат
Для тех, кто сошёл с ума.

Для мамы Никиты, который бит,
И Дани, который бьет,
Для тех, кто не плачет, не ест, не спит,
И так двадцать первый год.

Оксане все время нужна вода,
Все время вода нужна.
У мамы Оксаны война всегда,
И сверху ещё война.
Оксана боится людей и войн,
И нынче совсем беда,
Три месяца этот протяжный вой:
Оксане нужна вода.

Ангела не может кричать слова,
Но знает «уйди» и «мам».
У мамы с Анжелой вокруг Москва,
А мама с Оксаной там.
И двадцать второй наступает год,
Смыкая свои ряды,
Оксана кричит,
И подвал трясёт,
И нету воды,
Воды.

Рождественское

Вале Самохину

Ой плакала Мария, ой плакала,
Прикрывала рукой места:
А можно нам без чудес, без блага да
Без креста?
Да пусть бы вообще родилась девочка,
Потом внуки пойдут, будет зять...
А ангел молчит и стоит, как дерево:
Курьер, нерусский, что с него взять.
А он ведь живым рождается, не игрушечным,
Что наш Исенька, что чужой Кайсын.
Каждый, кого вы сделали мясом пушечным,
Был когда-то маленький, мягкий сын.
И ничего подписывать я не буду вам,
На учёт не встану, рожу в хлеву.
Сами воюйте хоть в Косово, хоть под Чудовом,
Моего не возьмёте, пока живу.
А ей говорят: не кричите, девушка,
Всё без вас заранее решено.
Начинайте завтра готовить побольше хлебушка,
Воду отстаивайте на вино,
Ничего вы здесь, мамочка, не поделаете:
Будет время, Иуда выдаст и Ирод съест.
А бог, кстати, тоже сначала мечтал о девочке.
Но он же папа,
Куда свою булочку,
да на крест.

* * *

Нечего плакать о том и об этом,
Нечего рыться в карманах лет,
Если сегодня перед рассветом
Люди проснулись, а мира нет.
Что-то, со свойствами голого провода,
Крепче алмаза и сверх того,
Тянется прямо от двадцать второго до
Двадцать четвёртого.
Где та улитка, где та скорлупка,
Кто первым понял, что скоро беда?
Самая хлипкая, самая хрупкая
В мире молитва: теперь никогда,
Снова нам нужно теплее одеться и Снова в подвалы,
под свет, под лёд,
Самая малая, самая детская
В мире надежда: что все пройдёт.
Что будут в июне частые радуги,
Будет грозы ненадёжный щит,
Но сейчас-то мы снова по Ладоге,
И под колёсами лёд трещит.
Глупым, беспечным, и вечным, и юным
Всюду дорога, но кто за рулём?
Что за шоссе между тем июнем
И этим февралем.

.....

* * *

Для меня это просто слова: «изнасиловали и убили»,
Просто фото со спутника, серый неровный квадрат.
Образ братской могилы прекрасен,
Если рядом нет брата в могиле,
Если он не гниет, твой недавно расстрелянный брат.
Если «связаны руки», это значит, что связаны руки.
Если рядом пасутся менты, это не «закатали в бетон».
Если я потеряю лицо, будут просто похабные звуки.
Если он потеряет лицо,
То останется только жетон.
Если вынуть кишки, то останется тело пустое,
Это вовсе не та пустота, про которую пишешь в Фейсбук.
Запах трупа в театре — не метафора трупы в простое,
Запах трупа в театре — это твой разложившийся друг.
И пока из меня вытекают слова, а не гной,
Я не вправе сказать,
что война происходит со мной.

То ли новостей перебрал,
То ли вина в обед,
Только ночью к Сергею пришёл его воевавший дед.
Сел на икеевскую табуретку, спиной заслоняя двор
За окном. У меня, говорит, к тебе,
Сереженька, разговор.
Не мог бы ты, дорогой мой, любимый внук,
Никогда, ничего не писать обо мне в фейсбук?
Ни в каком контексте, ни с буквой зэт, ни без буквы зэт,
Просто возьми и не делай этого, просит дед.
Никаких побед моим именем,
Вообще никаких побед.
Так же, он продолжает, я был бы рад,
Если бы ты не носил меня на парад,
Я прошу тебя очень — и делает так рукой —
Мне не нужен полк,
Ни бессмертный, ни смертный, Сереженька, никакой.
Отпусти меня на покой, Серёжа,
Я заслужил покой.

Да, я знаю, что ты трудяга, умница, либерал,
Ты все это не выбирал,
Но ведь я-то тоже не выбирал!
Мы прожили жизнь,
Тяжелую, но одну.
Можно мы больше не будем
Иллюстрировать вам войну?

Мы уже все, ребята,
Нас забрала земля.
Можно вы как-то сами?
Как-то уже с нуля?
Не нужна нам ни ваша гордость,
Ни ваш потаённый стыд.
Я прошу тебя, сделай так,
Чтоб я был наконец забыт.

Но ведь я забуду, как в русском музее
Мы ловили девятый вал,
Как я проснулся мокрый,
А ты меня одевал,
Как читали Пришвина,
Как искали в атласе полюса,
Как ты мне объяснял, почему на небе
Такая бела полоса
За любым самолетом,
Как подарил мне
Увеличительное стекло...

Ничего, отвечает дед,
Исчезая.
Тебе ведь и это не помогло.

Псалом

Сердце, сердце левое моё, Господи, — право! —
Потому разрывает грудь.

Дай прозреньё мне, чтоб воссияла слава,
слава Твоя, Господи, или вовсе меня забудь.

Видишь зависть мою к этим куцам
умом безумцам —

к ним, не знающим, что не изъеден
лепрой и не в рваньё убийца
(пусть издохнет в гниении каждая в нём крупица!)
и что смерть истребляет того, кто беден
и беззащитен? Раз мне выпало сбыться,
сделай так, чтоб я стал неведен.

Каракурты сѣти ткут, началась путѣна —
на людей, не рыб,
началась охота. Разгрязло небо, оно трясина.
В луже моря, среди осклизлых глыб,
вижу тушу,
чьи глаза от жира выкатились наружу.

Для того ли я сердце своё очищал вседенно
и всюнощно и руки
омывал в невинности, чтоб себя на съеденье

людоедам отдать, давящимся жратвой от скуки,
живодёрам? Конец ли света
Ты задумал? Ты видел это?

Пошатнулись ноги мои, теперь я знаю:
пошатнулись. Не себя обличая,
жил, но едва прозрел — увидел: сытую стаю
Ты обрёл на ублюдочность. Разве не жил рыча я,
как они? Но сердце окрепло,
восстав из пепла.

у окна

я пью с тобой, нелюдь.
душа не болит.
тем более наледь
глаза стекленил.

ты помнишь, намедни
здесь был человек?
он знал, что целебней,
и к слову прибег.

но прежде он выбил
окно — за окном
(ты выпил? я выпил),
объятый огнём,

кричал ещё кто-то.
(по новой? налей)
той ночью охота
велась на людей.

«есть матери, дети, —
сказал человек, —
есть горе на свете.
отныне навек

будь там, где унижен,
замучен, распят
живущий и выжжен
взращённый им сад».

что ж, будем. я выпью
за это с тобой,
мы скованы цепью,
подлец, ледяной.

Из Готфрида Бенна

Пока палач бесчинствует, поплачем
и поскорбим,
мы страусы, мы головы попрячем
не вострубим.

Смотри, смотри, как совестливо дышит,
когда на бис,
кисть обмакнув, свои полотна пишет
полотнопис,

как исподволь (зато в душе раздолье!)
творит добро
тот, кто веками вечное в подполье
точил перо.

Будь классиком! Они не умирают —
один из них
писал, что времена не выбирают,
живи в любых...

Шалишь! Мы выбирали это время,
мы тут как тут,
мы племя страха, страусово племя,
мы страшный суд

над собственной жизнью в скобках.
Давай, давай,
бесчинствуй, мразь, и трусивших уёбков
поубивай.

* * *

Мы, пуффендуч Сэм и гриффиндорец Фродо
Невежественный Шир оставив позади
Куда-то там идём, два маленьких уroda
Чего-то там несём прижатое к груди

Покинувших дома с толстянками на окнах
Так любящих пожрать, так ценящих уют —
Все ненавидят нас, все нам желают сдохнуть
Кидают камни вслед и под ноги плюют

Да хули нас любить, мещанскую породу
Как позовут к столу — так каждый тут как тут
И каждый третий — сэм, и каждый пятый — фродо
Но голлумы из нас, как големы, растут

Мы от себя бежим, шатаемся, хромаем
В просроченных плащах, надеясь уберечь
Чего-то, что несём и к сердцу прижимаем
Всевластное кольцо, предназначенный меч

Нежнее, чем цветок с дрожащей головою
Субтильней, чем птенец в голящем кулаке
Чужое что-то там, опасное, живое
Смертельное, как стих на русском языке.

* * *

Умирают дети
От орудий тьмы
Кто за все в ответе
Говорят что мы

Признаки у лета
Ядерной зимы
Кто устроил это
Очевидно мы

Мы тусят рыбачат
Жарят шашлыков
Мы бухают плачут
Моют стариков

Мы гуляют тостят
Бургеров жуют
Мы картинки посят
Будто бы живут

Мы детишек в садик
Песенок учить
Мы в свой личный адик
Голову лечить

Мы у банкомата
Долларов хотеть
Мы гори и хата
Мы рождён лететь

Покидаем дома
В голове тюрьмы
Кто мы сука кто мы
Кто такие мы

* * *

Запретили в расее библию
За фейки о христе нашем госпode

Про призывы и разжигания
Очернение и дискредитацию
Про препятствия малому бизнесу
Медицинские манипуляции
Алкоголя фальсификацию
Общепит мимо санэпидстанции
Манифесты несанкционированные
Одиночный пикет в гефсимании
Поцелуи с иудой однополые
И массажные спа с блудницами

Всех святых из святых разжаловали
Оставили одну богородицу

За то что молитв не послушала
Путина не прогнала

* * *

Господи, какой ужасный сон
У меня был кореш — где же он?
Мы из запределья в коростополь
Вместе добирались автостопом

Были маки красные, весна
И была девчонка — где она?
Рыжая, веселая девчонка
Ты ее, пожалуйста, верни!
Были и другие — где они?

Автостопом прямиком до ада
Господи, кому все это надо
И при чем тут киевская русь?
Эти маки майского парада —

Можно я, пожалуйста, проснусь?

Боже, боже, кто из нас ку-ку?
Мы же все придумали на лето!
Долго ли планировалось э т о?
Прислонясь к какому косяку?

Почему со мной все это, боже?
Почему остался только я?
Если ты не вырулишь, то кто же?
Это на реальность не похоже

Господи, я думал, мы друзья

Господи, я думал, ты за нас
Ехавших попуткой на парнас
За руки державшихся, зевавших
Братьями друг друга называвших
В красных маках раннею весной —

Стасик, Рита, Юка, Поля, Паша?
Что я знаю о победе павших

Господи, я думал, ты со мной.

Полина Барскова

Санкт-Петербург — Беркли

* * *

так бывает, когда идешь по улице
и замечаешь боковым зрением нечто неприятное,
что-то такое, что вызывает ужас и отвращение: например,
разорванный труп животного, но знаешь —
если туда не смотреть, то как будто и нет ничего,
как будто все в порядке. (Сергей Жадан)

Зеркало которое ты сделала для меня не дошло по почте.
Развалилось раздавленное.
Стало суммой острых фрагментов, пылью.
Вернулось к тебе таким.
Болезненной серебряной крошкой, крошка моя,
далекая дорогая девочка.

Зеркало расслоилось расстроилось,
вернулось к тебе сообщением,
Что моего отражения больше не существует.
Когда ищу отражаться, собраться: вижу
лишь повсюду осколки, труху.

Чтобы собрать себя воедино, по утрам
совершаю особую процедуру:
Вспоминаю, как вошла в ее комнату и взяла ее за руку.
В маленькую ледяную птичью лапку фиолетовую
Превратилась ее медовая золотая узкая рука/река.

Ничего невероятнее и больнее;
В тот момент, я безусловно, была и стала собой:
Единая цельная боль совершала соединяла меня,
наделяла смыслом, силой ужаса.

Боль словно клей, смесь воды с желатином,
Которым слои серебра накладывают на стекло:
Ей следует быть чистой и честной,
ей следует быть абсолютным врагом.

Но теперь я распалась на слои, которые
брезгают, тяготятся друг другом:
помнящая и бегущая, кричащая и молчащая,
и предающая: этой сложнее всего.
у этой так много работы сегодня: с утра
и до вечера, с вечера и до утра
предаетшь свои иллюзии, легкие и горячие,
гелем наполненные, бывшие слова,
Как прошлых, изжитых насквозь спутников,
направляясь в объятья к иным.
Предаетшь тех, кто тебя лишает всего и тех,
кто просит о помощи,
Соседей в парадном, соседей по даче,
женщину, наливавшую в субботу тебе молоко,
Старуху, перед закрытием рынка, просто
отдавшую тебе пион, погладившую по лицу.
Предаетшь возлюбленного на одну белую
розоватую ржавую ночь «неужели вернешься?»
Не думаешь ты, что вернешься, думаешь ты,
что покинешь и могилу
отца на Серафимовском, лежащего рядом
с художником Павлом Филоновым;

Кто хоронил Филонова зимой 42ого года
ты не знаешь, но думаешь постоянно,
Всю жизнь, что кто-то его не предал,
отнес туда его жемчужные косточки,
Обглоданные, обсосанные городом-людоедом,
столь ему милым.
Ты предаешь того, кто не предал.
Ты ощущаешь в руке пожатие ледяной
фиолетовой лапки.
Ты раздираешь руку себе крошевом
живого и мертвого зеркала:
Боль должна быть чистой и абсолютной
Чтобы жить чтобы описывать боль

* * *

Сотни тонн боевого железа
Нагнетали под стены Кремля.
Трескотня тишины не жалела,
Щекотала подошвы земля.

В эту ночь накануне парада
Мы до часа ловили такси.
Накануне чужого обряда,
Незадолго до личной тоски.

На безлюдье под стать карантину
В исковерканной той тишине
Эта полночь свела воедино
Все, что чуждо и дорого мне.

Неудача бывает двуликой.
Из беды, где свежают сердца,
Мы выходим с больною улыбкой,
Но имеем глаза в пол-лица.

Но всегда из батального пекла,
Столько тысяч оставив в гробах,
Возвращаются с привкусом пепла
На сведенных молчаньем губах.

Мать моя народила ребенка,
А не куклу в гремучей броне.
Не пытайте мои перепонки,
Дайте словом обмолвиться мне.

Колотило асфальт под ногою.
Гнали танки к Кремлевской стене.
Здравствуй, горе мое дорогое,
Горстка жизни в железной стране!

1974

* * *

Сегодня дважды в ночь я видел сон.
Загадочный, по существу, один
И тот же. Так цензура сновидений,
Усердная, щадила мой покой.
На местности условно городской
Столкнулись две машины. Легковую
Тотчас перевернуло. Грузовик
Лишь занесло немного. Лобовое
Стекло его осыпалось на землю,
Осколки же земли не достигали,
И звона не случилось. Тишина
Вообще определяла обстановку.
Покорные реакции цепной,
Автомобили, красные трамваи,
Коверкая железо и людей,
На площадь вылетали, как и прежде,
Но площадь не рассталась с тишиной.

Два битюга (они везли повозку
С молочными бидонами) порвали
Тугую упряжь и скакали прочь.
Меж тем из опрокинутых бидонов
Хлестало молоко, и желоба,
Стальные желоба трамвайных рельсов,
Полны его. Но кровь была черна.
Оцепенев, я сам стоял поодаль
В испарине кошмара. Стихло все.
Вращаться продолжало колесо
Какой-то опрокинутой «Победы».
Спиною к телеграфному столбу
Сидела женщина. Ее черты,
Казалось, были сызмальства знакомы
Душе моей. Но смертная печать
Видна уже была на лице женском.
И тишина.

Так в клубе деревенском
Киномеханик вечно пьян. Динамик,
Конечно, отказал. И в темноте
Кромешной знай себе стрекочет старый
Проектор. В золотом его луче
Пылинки пляшут. Действие без звука.

Мой тяжкий сон, откуда эта мука?
Мне чудится, что мы у тех времен
Без устали скитаемся на ощупь,
Когда под звук трубы на ту же площадь
Повалим валом с четырех сторон.
Кто скажет заключительное слово
Под сводами последнего Суда,

Когда лиловым сумеркам Брюллова
Настанет срок разлиться навсегда?
Нас смоем с полотняного экрана.
Динамики продует медный вой.
И лопнет высоко над головой
Пифагорейский воздух восьмигранный.

1977

* * *

Посередине медляка Анжела,
как будто ей внезапно поплохело,
в слезах ушла из шумного ДК —
Анжелке страшно стало за Витька.
Она ходила по полю полночи,
все силясь блин припомнить школьный стих
про давний бал, и там одной короче
приснился насмерть раненный жених.
Петров, Проценко, Нурутдинов, Храпов,
Какулия, Черных, Сердюк, Потапов
и др. — в полдневный жар лежат они
в долинах Дагестана и Чечни.

2019

Понятые и свидетели 2

Хроники военного времени

Издательство книжного магазина «Бабель» (Тель-Авив)

Заказ книг: <https://www.facebook.com/BabelTLV/>

Продюсер: Екатерина Бермант

Верстка: Марат Зинуллин

Подписано к печати: 08.05.2022

